

МЕТОДЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

"НАУКА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
"ТЕОРИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ"

МЕТОДЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР В.Н. ЯРЦЕВА

МОСКВА
"НАУКА"
1988

Сборник статей посвящен разработке принципов, методов и перспектив сопоставительно-типологических исследований в области лексикологии, грамматики, фонологии и стилистики. Прикладной аспект представлен работами, связанными с проблемами художественного и синхронного перевода.

Для лингвистов широкого профиля и переводчиков.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР

В. Н. Ярцева,

доктора филологических наук

А. В. Бондарко, В. П. Нерознак,

кандидат филологических наук *В. П. Калыгин,*

Н. Д. Федосеева (отв. секретарь)

Рецензенты:

кандидаты филологических наук

В. В. Гуревич, Ю. В. Шаламов

М 4602000000-273 314-88—III
042(02)-88

©Издательство "Наука", 1988

ISBN 5-02-010879-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сопоставительно-типологическое исследование языков не только выделилось как особый раздел науки о языке, но за последние годы обогатило арсенал своих методов за счет привлечения новых идей и приемов анализа из общего и сравнительного языкознания. Функциональный подход к явлениям языка, обусловленный пониманием коммуникативной роли языка как важнейшего средства общения людей и форм познания окружающей действительности, создал для лингвистов возможность исследовать семантические особенности таких уровней языковой структуры, как фонология и грамматика, которые еще недавно считались преимущественно областью формального описания, а в плане общего языкознания являлись цитаделью дескриптивной лингвистики. Статья А.В. Бондарко, как и целый ряд других статей, публикуемых в настоящем сборнике, демонстрирует плодотворность применения содержательно-функционального подхода к языку в сфере сопоставительно-типологического описания.

Большинство публикуемых статей обсуждалось в качестве докладов на проходившей в 1986 г. в Звенигороде Всесоюзной научно-практической школе по сопоставительному и типологическому языкознанию.

Место сопоставительной лингвистики среди комплекса языковедческих дисциплин определяется не только специфическим предметом исследования, но и набором тех приемов и методов анализа языкового материала, которые могут быть обозначены как типичные именно для работ сопоставительного характера. Однако в статье У.К. Юсупова (автор защищает право сопоставительной лингвистики именоваться самостоятельной дисциплиной) больше формулируются задачи сопоставительных исследований, чем описываются способы решения этих задач. Действительно, разграничение типологических, описательных и контрастивных работ чаще всего определяется целями, которые ставит перед собой исследователь языков. Однако предмет той или иной дисциплины, задачи и методы решения этих задач неизбежно взаимосвязаны в процессе исследовательских экспериментов, в то время как обособление данной отрасли знания зависит от общего распределения и номенклатуры комплекса соседствующих научных дисциплин.

В статьях, посвященных лексическому уровню языка, рассматривается широкий спектр вопросов, имеющих не только теоретическое значение, но и непосредственный практический интерес для составителей толковых и двуязычных словарей (статья А.Е. Супруна). Важность компонентного анализа лексических значений как метода семантической интерпретации лексики при построении контрастивной семасиологии показана в статье А.М. Кузнецова, а семантические

аспекты образных средств каждого языка ярко высвечиваются при переводе на другой язык, что позволяет глубже понять значение каждого отдельного слова (статья А.А. Брагиной).

До сих пор лингвистика еще не располагает достаточным количеством работ по анализу системы стилей в сопоставительном плане. В статье В.Г. Гака дается программа перспективных исследований в указанной выше области и намечаются формы связи сопоставительной стилистики с другими отраслями языкознания.

Особый интерес представляет статья Н.Г. Михайловской, посвященная изучению интерференции при билингвизме — явлении, широко распространенном в многоязычной среде народов Советского Союза. При известном подобии грамматических значений в парадигматике частей речи для сопоставляемых языков семантические схождения и расхождения должны объясняться не только грамматическим варьированием, но и объемом лексических значений сопоставляемых единиц языка (статья Е.И. Кириленко).

Одной из традиционных форм реализации контрастивного изучения лексики можно считать составление двуязычных словарей. Однако обычный тип таких словарей, дающих пословное расположение лексического материала, не позволяет выявить системные связи семантических групп в сопоставляемых языках, и поэтому в статье С.Г. Бережана рассматриваются другие подходы к описанию лексического материала в переводных словарях, при использовании которых обеспечивается точность в установлении адекватных эквивалентов при сравнении материала двух языков. Как указывает С.Г. Бережан, не только общность, но и специфика организации лексики сравниваемых языков может быть полностью выявлена, только если факты лексики сопоставляются в системе.

Вполне естественно, что в родственных, и особенно в близкородственных, языках модели синтаксических построений, а также варианты их лексического наполнения должны содержать много сходных черт. Тем важнее при детальном исследовании таких моделей установить сходства и различия и главным образом разработать объективные методы грамматического анализа, адекватные изучаемому материалу (статьи С.Н. Кузнецова и Д.Б. Никуличевой).

Важным аспектом контрастивных исследований является совокупность проблем, связанных с теорией и практикой переводческих работ. В статье А.Д. Швейцера указывается, что контрастивная лингвистика может быть источником исходных данных теории перевода. С другой стороны, при синхронном переводе как одном из видов коммуникативно-речевой деятельности возникают проблемы компрессии сообщения при возможной семантической (объективной) и смысловой (субъективной) избыточности данного сообщения. Изучение структур языка перевода может привести к выработке рекомендаций, которые будет использовать переводчик в своей практической деятельности (статья Г.В. Чернова).

Познавательный аспект исследования языка в рамках лингвистики текста раскрыт в статье Б.Л. Бойко. Эта сторона лингвистических работ, сравнительно новых в нашей филологии, в равной

мере важна не только для понимания функционально-семантических особенностей строевых элементов системы языка, но и для правильной оценки соотношения уровней языковой системы в процессе осуществления языком его основного назначения как средства коммуникации в обществе.

Разнообразие проблем, составляющих содержание статей предлагаемого сборника, отражает тот этап развития сопоставительного изучения родственных и неродственных языков, когда приходится решать целый ряд сложных теоретических задач, руководствуясь не только общеметодологическими установками советского языкознания, но и прорабатывая предлагаемые решения на базе конкретного языкового материала. Обсуждение выдвигаемых гипотез будет способствовать (как надеются авторы и составители сборника) прогрессу в данной области языкознания.

В. Н. Ярцева

У.К. Юсупов

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Последние три десятилетия характеризуются возросшим интересом языковедов и методистов к сопоставительной лингвистике. Появилось огромное количество исследований по сопоставительному изучению языков, среди которых немало работ, посвященных теоретическим вопросам [см., например: Аракин, 1973; Буранов, 1983; Гак, 1981; Сятковский, 1976; Ярцева, 1960; 1981; 1986; Юсупов, 1983; Dezsö, 1982; Di Pietro, 1978; James, 1983]. Причины повышения интереса к таким исследованиям в нашей стране следующие: 1) возрастающая роль русского языка как средства межнационального общения; 2) интенсификация взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР; 3) стремление улучшить преподавание и изучение иностранных языков; 4) включение в учебный план ряда вузов дисциплины "Сравнительная типология родного и изучаемого языков"; 5) построение методики преподавания неродного языка с учетом характерных особенностей родного.

Сопоставительная лингвистика, предметом которой является сравнение двух (и — реже — более) языков и вытекающие из этого сравнения выводы, достигла в наше время такого уровня развития, что может решать комплекс теоретических и лингводидактических задач. К теоретическим задачам можно отнести следующие: 1) определение сходств и различий между сопоставляемыми языками; 2) выявление тех признаков сопоставляемых языков, которые остались незамеченными при изучении одного языка; 3) выявление характерных для данных языков тенденций; 4) определение системных соответствий / несоответствий между сопоставляемыми языками (т.е. определение межъязыковых эквивалентов и лакун); 5) определение взаимодействия и взаимообогащения сопоставляемых языков (в случае их постоянного контактирования); 6) установление по мере возможности причин основных сходств и различий; 7) верификация дедуктивных универсалий на материале сопоставляемых языков.

К числу лингводидактических задач относятся: 1) определение методической релевантности сходств и различий между сопоставляемыми языками; 2) установление характера межъязыковых интерференций; 3) определение трудностей изучения неродного языка, возникающих в результате межъязыковых различий; 4) определение границ применения межъязыкового сравнения как приема обучения неродному языку; 5) разработка процедуры межъязыкового сравнения как приема обучения неродному языку.

В настоящее время в сопоставительной лингвистике существуют два направления: сопоставительное изучение языков в теоретических целях и сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях. Представители первого направления [см., например:

Гак, 1977; Маслов, 1978; Буранов, 1983] акцентируют внимание на теоретическом аспекте сопоставительной лингвистики (на сходствах и различиях между сопоставляемыми языками), а представители второго направления [Барсук, 1970; Lado, 1957; Nickel, 1971] — на лингводидактическом аспекте (на использовании сопоставительного анализа родного и изучаемого языков в целях оптимизации обучения неродному языку).

Для фиксации сходств и различий между сопоставляемыми языками нами вводятся следующие четыре понятия: 1) методически релевантное сходство; 2) методически нерелевантное сходство; 3) методически релевантное различие; 4) методически нерелевантное различие.

Методически релевантное сходство — это такое сходство между родным и неродным языками, которое стимулирует положительный перенос навыков родной речи на иноязычную речь, т.е. порождает фацитацию. Например, русский, изучающий английский язык, не нарушит порядок слов в английском словосочетании *cold water*, так как в его родном языке это словосочетание имеет такой же порядок слов — *холодная вода*. Данное сходство облегчает усвоение русскими английского языка.

Методически нерелевантное сходство — это такое сходство, которое не стимулирует положительного переноса навыков. Так, если мы сравним английский и узбекский языки по признаку наличия сослагательного наклонения, то обнаружим, что оно существует в обоих языках. Однако за этим в сущности абстрактным сходством скрываются глубокие различия в форме, семантике и функции сослагательных наклонений английского и узбекского языков.

Методически релевантное различие — это такое различие между родным и неродным языками, которое может стать лингвистической причиной межъязыковой интерференции. В отличие от него методически нерелевантное различие не может вызвать межъязыковой интерференции. Проиллюстрируем методически релевантные и нерелевантные различия на материале категории числа в английском и узбекском языках.

В отличие от английского языка в узбекском имя существительное в сочетании с именем числительным употребляется в форме ед. числа:

битта китоб ("один книга") — one book
иккита китоб ("два книга") — two books
учта китоб ("три книга") — three books.

Данное различие между морфологическими категориями числа имени существительного в английском и узбекском языках во взаимодействии с психологическим законом переноса навыков может порождать межъязыковую интерференцию, в результате чего совершаются ошибки типа *two book, three book, ten book* в английской речи узбеков.

Примером методически нерелевантных различий может служить способность узбекского суффикса мн. числа *-лар* выражать значе-

ние уважения и интенсивности в отличие от английского суффикса *-(e)s*, не имеющего этих дополнительных значений: Дадамлар келдилар — Daddy has come 'Отец пришел'; Юракларимни эзиб юбординг - You've broken my heart 'Ты разбил мое сердце'. Данное различие не порождает межъязыковой интерференции в английской речи узбеков.

Следует отметить, что одно и то же межъязыковое различие может быть методически релевантным для носителей одного из сопоставляемых языков и нерелевантным для носителей другого. Так, например, имя прилагательное в русском языке в отличие от имени прилагательного в узбекском обладает категориями числа, рода и падежа. Данное различие методически релевантно для узбекской аудитории, но нерелевантно для русской. Узбек, не привыкший различать категории падежа, рода и числа имени прилагательного, не различает их и в русском языке и в результате делает ошибки типа "новый книга", "новый пальто".

Найти узбекские эквиваленты для 24 категориальных форм русского прилагательного *новый* нетрудно, так как всем этим формам в узбекском языке соответствует лишь одна форма — *янги*, поэтому перед русским при разговоре на узбекском языке не стоит проблема выбора формы имени прилагательного и он не делает здесь ошибок.

Таким образом, как мы видим, деление межъязыковых сходств и различий на методически релевантные и нерелевантные имеет большое практическое значение. Без внимания к этому аспекту исследования результаты сопоставительного изучения невозможно использовать при обучении неродному языку, при создании научно обоснованной системы учебников, учебных пособий и программ по неродным языкам.

Опираясь на свой опыт и на существующие работы по сопоставительному изучению языков, мы выделяем следующие основные принципы сравнения языков в теоретических целях.

Принцип сравнимости. В идеале при сопоставительном изучении языков лингвист занимается сравнением определенных явлений, уже изученных по отдельности в каждом из сравниваемых языков. К сожалению, степень изученности языков мира крайне неравномерна.

При сравнении языков может оказаться, что в одном из сопоставляемых языков представлен какой-то значимый элемент, а в другом — аналогичного элемента не существует. Так, например, в русском языке нет глагола, который соответствовал бы английскому глаголу *to knife*; в таких случаях сравниваются равноуровневые эквивалентные единицы, определяемые с помощью перевода: *to knife* (слово) — *резать ножом, ударить ножом* (словосочетание). Эти равноуровневые единицы становятся сравнимыми благодаря их функциональному тождеству.

Сравнимость языков зависит и от избираемого подхода. Так, невозможно добиться полного сопоставительного описания русского и китайского языков, используя только малосистемный подход, так как в китайском языке отсутствуют многие морфологические катего-

рии, имеющиеся в русском языке. Полное сопоставительное описание этих языков можно получить, сочетая различные подходы: малосистемный (сравниваются малые системы языков), трансляционный (определяются межъязыковые эквиваленты), полевой (сравниваются семантические, ассоциативные, синтаксические, словообразовательные, функционально-семантические и другие поля), логический (сравниваются средства выражения понятийных категорий) и денотативный (сравниваются "вкусы", т.е. предпочтения языков при отборе аспектов при описании или номинации одного и того же предмета либо ситуации).

Таким образом, принцип сравнимости предполагает сбалансированность степеней изученности сопоставляемых языков, определение функционально сходных явлений в сопоставляемых языках и рациональное сочетание различных подходов при сравнении языков.

Принцип системности. Сопоставление не может опираться на искусственно изолированные единицы, оно должно исходить из системных отношений элементов языка: сравнению должны подвергаться парадигматические группировки (подсистемы, поля, лексико-семантические группы, синонимические ряды и т.д.). Отдельные элементы языка должны сравниваться в пределах парадигматических группировок, т.е. они должны рассматриваться как части соответствующих парадигматических группировок.

Принцип терминологической адекватности. Прежде чем приступить к сравнению языков, необходимо определить термины таким образом, чтобы они адекватно обозначали сравниваемые явления в обоих языках, т.е. следует создать общие для сравниваемых языков дефиниции. Языки, описанные в одних и тех же терминах, но имеющие различное содержание, предстают как бы несоизмеримыми.

Принцип достаточной глубины сравнения. Этот принцип предполагает выявление всех существенных сходств и различий сравниваемых языковых явлений. Чем глубже анализируются сопоставляемые факты, чем больше внимания уделяется каждому из них в связи с другими явлениями того или другого языка, тем больше шансов выявить в них новое, ранее не замеченное, не раскрывшееся в плане одноязычного анализа.

Поверхностное сравнение не имеет никакой новизны ни для частного, ни для общего языкознания, ни для методики обучения неродным языкам.

Принцип учета степени родства и типологической близости. Степень родства и типологической близости сопоставляемых языков налагает ограничение на выбор методов и приемов сравнения. Так, при сравнении близкородственных, а также типологически сходных неродственных языков возможность применения малосистемного подхода расширяется, а при сравнении типологически несходных языков — сужается. Во втором случае повышается роль полевого, логического и трансляционного подходов.

Принцип учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний основан на том, что лингви-

стические знания, добытые при исследовании структуры одного языка, несомненно, помогут при изучении структуры другого. Этот принцип запрещает приписывать признаки одного языка другому.

Принцип двусторонности сравнения. Двустороннее сравнение — это сравнение, проводимое при условии сопоставимости систем [Ярцева, 1960, 5]. При таком сравнении в поле зрения попадают особенности обоих сравниваемых языков. Двустороннее сравнение в отличие от одностороннего позволяет предвидеть все межъязыковые интерференции, выявить ранее не замеченные признаки как первого так и второго языков.

Принцип учета функциональных стилей. Этот принцип предполагает сравнение языков в одних и тех же функциональных стилях (если в сопоставимых языках номенклатура функциональных стилей совпадает). Привлекаемые к анализу тексты на сравниваемых языках должны относиться к одному и тому же жанру.

Принцип территориальной неограниченности. Пространственное размещение языков имеет важное значение для ареальной лингвистики; для сопоставительной же лингвистики оно не имеет значения, так как сравниваемые языки могут соседствовать, сосуществовать в пределах одной и той же территории либо быть разобщены.

Названные принципы распространяются также и на сопоставление языков в лингводидактических целях. Однако при таком сопоставлении должны действовать и другие принципы, которые рассматриваются ниже.

Принцип синхронности. При сопоставительном изучении языков в лингводидактических целях языки сравниваются в плане синхронии. Привлечение факторов диахронии при таком сравнении нецелесообразно, поскольку оно не имеет отношения к формированию языков говорения на неродном языке.

Принцип простоты. Поскольку сопоставление языков в лингводидактических целях имеет сугубо практический характер, сопоставительное описание должно быть предельно простым и понятным как для преподавателей, так и для студентов.

Принцип сокращения. При сопоставительном изучении языков в лингводидактических целях межъязыковому сравнению подвергаются языковые явления неродного языка, включенные в программы и минимумы.

Принцип учета территориальных диалектов родного языка. При речевом общении на неродном языке индивидуум, не владеющий литературным языком (имеется в виду индивидуум с субординативным двуязычием), соотносит с неродным языком не литературный родной язык, а его территориальный диалект. Поэтому не случайно студенты, говорящие на различных территориальных диалектах одного и того же языка, допускают различные типичные ошибки в иностранной речи.

Принцип учета территориальных диалектов родного языка в основном должен приниматься во внимание при сравнении фонологических систем родного и изучаемого языков, так как основные ти-

нические ошибки в иностранной речи студентов, связанные с диалектами родного языка, наблюдаются именно в произношении.

Принцип учета факультации и межъязыковой интерференции. Роль родного языка в изучении неродного различна: в одних случаях родной язык облегчает изучение неродного языка, в других — затрудняет, в третьих — нейтрален. В первом случае говорят о факультации, а во втором — об интерференции. При сопоставительном изучении языков в лингводидактических целях необходимо учитывать оба явления. Благодаря этому принципу сопоставительная лингвистика становится лингвистической основой обучения неродному языку.

Учитель неродного языка должен не только свободно владеть языком, глубоко понимать его структуру, но и отчетливо представлять себе методически релевантные сходства и различия между родным и неродным языками, предвидеть факультации и интерференции, знать пути преодоления последних.

Таким образом, в настоящее время сопоставительная лингвистика является самостоятельной дисциплиной, имеющей свой предмет и конкретные задачи. Она представляет собой ту область языкознания, которая тесно связана с методикой обучения неродному языку.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракин В.Д.* Сравнительная типология родного и иностранного языков: Всесоюзный семинар по вопросам методики преподавания новых дисциплин. Ташкент, 1973.
- Барсуков Р.Ю.* Основы обучения иностранному языку в условиях двуязычия. М.: Высш. шк., 1970.
- Буранов Дж.* Сравнительная типология английского и тюркских языков. М.: Высш. шк., 1983.
- Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977.
- Гак В.Г.* Контрастивная лингвистика на уровне реализации // Вопросы сравнительной типологии: Тезисы докладов. Ташкент, 1981.
- Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Ситковский С.Н.* Основные принципы сопоставительного анализа языков // Рус. яз. за рубежом. 1976. N 4, 5.
- Юсупов У.К.* Проблемы сопоставительной лингвистики: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // НДВШ. Филол. науки. 1960. N 1.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Ярцева В.Н.* Сопоставительная лингвистика и проблемы вариативности языка // НДВШ. Филол. науки. 1986. N 5.
- Dersö L.* Studies in syntactic typology and contrastive grammar. Budapest, 1982.
- Di Pietro R.J.* Language structures in contrast. 2nd ed. Rowley (Mass.), 1978.
- James C.* Contrastive analysis. 3rd ed. Singapore, 1983.
- Lado R.* Linguistics across cultures. Ann Arbours, 1957.
- Nickel G.* Contrastive linguistics and foreign language teaching // Papers in contrastive linguistics. Cambridge, 1971.

ПОНЯТИЯ "СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ", "ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ" И "КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ" В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается система понятий, на которых строится одна из возможных моделей функциональной грамматики. Исходным в данной системе (в частности, применительно к сопоставительным исследованиям) является понятие семантической категории.

Семантическая категория (СК)

Говоря о СК в сфере грамматики, мы имеем в виду основные инвариантные категориальные признаки, семантические константы, выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (морфологическими, синтаксическими, лексическими, а также комбинированными) средствами высказывания. В этой характеристике СК (отнюдь не претендующей на роль определения; в данном случае строгая дефиниция вообще вряд ли возможна) обращается внимание на доминирующее положение рассматриваемых категорий в иерархической системе семантической вариативности. СК грамматики в их соотношениях составляют базу системного членения изучаемых языковых значений на пересекающиеся и взаимодействующие "области содержания".

Основные СК универсальны, однако эта универсальность прослеживается лишь на уровне немногих, наиболее общих категорий — таких, как аспектуальность, темпоральность, таксис, временная локализованность, модальность, бытийность, персональность, залоговость, субъектность/объектность, одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность, качественность, количественность, компаративность, посессивность, локативность, обусловленность (как группировка категорий причины, цели, условия, уступки, следствия). При оценке роли универсалий в сопоставительных исследованиях неоднократно отмечались значительные затруднения. Говоря об этом, В. Н. Ярцева замечает, что выход может быть найден в "укрупнении" самих универсалий, т. е. в отнесении к этому понятию только очень объемных и общих категорий [Ярцева, 1981, 23].

Основания универсальности базисных СК заключены в общих закономерностях отражения объективной действительности в человеческом сознании. Вместе с тем указанное направление детерминации — от внеязыковой действительности через сознание и мышление к формально выраженным языковым значениям — предполагает и явления "обратного воздействия" языка на мышление. СК, с одной стороны, обращены к сознанию и мышлению, а с другой — к языковой структуре. Реализация СК в языковых значениях подвержена воздействию

формы. Примечательно отражение этой двойственности семантических (понятийных) категорий в концепциях О. Есперсена и И. И. Мещанинова [Есперсен, 1958, 58—60; Мещанинов, 1945, 14; 1978, 240] (ср. анализ мыслительно-языковых категориальных соотношений в ряде современных работ: [Булыгина, 1980, 320—355; Степанов, 1981, 114—134, 238—343]).

Языковые значения включают в себе как универсально-понятийные аспекты, так и аспекты конкретно-языковой семантической интерпретации, связанной с особенностями строя языков разных типов. Межъязыковые различия в системах форм и конструкций, в распределении семантических элементов между лексикой, морфологией, синтаксисом, между категориальным и некатегориальным, эксплицитным и имплицитным, дискретным и недискретным, системно-языковым и ситуативно-контекстуальным выражением обуславливают бесконечное разнообразие в соотношении универсального и неуниверсального в сопоставляемых значениях. В этом переплетении универсальных и неуниверсальных элементов значений, охватываемых семантическими категориями, коренятся предпосылки перспективности сопоставительных исследований в области языковой семантики.

СК, находящие выражение в том или ином языке, образуют определенную систему. Ее элементы выявляются в исследованиях, опирающихся на определенные рабочие схемы [Теория функциональной грамматики..., 1987]. Вместе с тем нужно отдавать себе отчет в том, что межкатегориальные отношения и связи необычайно сложны. Их осмысление находится лишь в начальной стадии. Раскрытие системы СК, экспликация типов межкатегориальных отношений, определение причинно-следственных отношений в изучаемых связях между СК в их конкретном языковом выражении, выявление черт общности и различия между языками разных типов в системных соотношениях СК — задачи сопоставительных исследований, рассчитанные на дальнюю перспективу.

В каждом грамматическом значении, выступающем в той или иной конкретной реализации, так или иначе представлены связи разных СК. Одна из них обычно является доминирующей, определяющей категориальную принадлежность данного значения (как значения наклонения, времени, вида и т.д.), однако сопряженность СК далеко не всегда позволяет однозначно определить, является ли данное значение в анализируемом высказывании прежде всего аспектуальным или модальным, бытийным или локативным и т.п. Ср., например, сопряженность аспектуальных и модальных признаков (в сочетании с признаками качественности, темпоральности и временной нелокализованности) в высказываниях типа *И вот всегда-то я так нехоту скажу* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Этот всегда ворвется, как оглашенный* (Д. Мамин-Сибиряк. Верный раб). По существу "чистых" значений, свободных от проявлений межкатегориального взаимодействия, нет.

Одним из важных аспектов исследования СК является изучение их вариативности (о вариативности как фундаментальном свойстве языковой системы см.: [Солнцев, 1984]). СК занимают доминирующее

("вершинное") положение по отношению к возглавляемым или многоступенчатым подсистемам содержательной вариативности (соотнесенной с вариативностью средств формального выражения). Так, СК аспектуальности занимает вершинное положение по отношению к таким аспектуальным категориям, как лимитативность (СК, охватывающая разные типы отношения предиката и ситуации в целом к понятию предела), длительность, кратность, фазовость, перфектность, категории действия, состояния и отношения. Каждая из этих СК выступает в более частных разновидностях и вариантах. Например, СК предела (лимитативность) существует в таких разновидностях, как предел реальный и потенциальный, эксплицитный и имплицитный, абсолютный и относительный. В семантике длительности могут быть выделены, в частности, следующие разновидности: а) длительность определенная и неопределенная, б) ограниченная и неограниченная, в) протяженная (типа "как долго"), замкнутая, или результативная ("за какое время"), связанная с сохранением результата ("на какое время"), г) непрерывная и прерывная, д) длительность действия (в широком смысле) и длительность интервала [Теория функциональной грамматики..., 1987]. Изучение подобных вариантов направлено на познание разных сторон и проявлений СК как инварианта.

Изучение вариативности в рамках определенной СК предполагает выделение типов рассматриваемых отношений, базирующихся на различных семантических признаках. В основаниях для членения должна быть определена системная иерархия. Так, при субкатегоризации СК темпоральности целесообразно исходить прежде всего из тех признаков, которые отражают сущность темпоральности как дейктической категории. Наиболее высокое положение занимают признаки, определяемые характером временного дейксиса: абсолютная/относительная временная ориентация, актуальность/неактуальность ориентации на момент речи, фиксированный/нефиксированный характер темпорального отношения, его определенность/неопределенность, выраженность/невыраженность степени отдаленности времени действия от момента речи. Далее в иерархии признаков следуют: а) характер (способ) языковой интерпретации темпоральных отношений (эксплицитность/имплицитность их представления, прямой/переносный тип представления времени действия) и б) признаки, связанные с межкатегориальным взаимодействием (прежде всего с объективной модальностью, а также с аспектуальностью, временной локализованностью/нелокализованностью и таксисом); таковы, в частности, признаки модальной характеризованности/нехарактеризованности, индикативности/неиндикативности.

При анализе целого ряда СК (не только темпоральности) целесообразно исходить прежде всего из тех семантических признаков, которые раскрывают качественную специфику данной категории, а далее уже переходить к признакам, относящимся к способам представления рассматриваемой семантики и к межкатегориальным связям.

В конкретных сопоставительных исследованиях существенное

значение имеет принцип самостоятельного анализа субкатегоризации в каждом из изучаемых языков, что исключает переносы "сетки вариативности" с одного языка на другой.

Важный аспект анализа СК заключается в выделении микросистем, базирующихся на комплексе более частных семантических признаков. При анализе микросистем внутри определенной СК выявляется ее несводимость лишь к одному признаку, раскрывается языковая репрезентация СК в комплексе более частных признаков, образующих структуру категории (ср., например, соотношение признаков определенности/неопределенности, известности/неизвестности и некоторых других в рамках категории детерминации [Сулейманова, 1986]). Исследования данного направления включают не только изучение системно-парадигматических отношений, но и рассмотрение функционирования изучаемых единиц, взаимодействующих с контекстом [Ярцева, 1981, 40—41]. Существенно совершенствование методики лингвистического эксперимента в компонентном анализе значений, в частности в том, что касается работы с информантами [Селиверстова, 1976, 119-146; 1980, 262—319; Сулейманова, 1986, 5—8].

Функционально-семантическое поле (ФСП)

Рассмотрение СК вместе с системой средств их выражения в том или ином языке приводит к понятию ФСП. В отличие от СК как понятия, целиком относящегося к плану содержания, ФСП представляет собой понятие, соотношенное с единством двусторонним, содержательно-формальным. То или иное поле в данном языке конституируется билатеральными языковыми единицами (словесными формами и классами форм, синтаксическими конструкциями, лексемами и классами лексем и т.п.). Когда речь идет о структуре поля — моноцентрической или полицентрической, — то также имеется в виду структура, образуемая двусторонними языковыми единицами, классами единиц и их соотношениями.

Итак, ФСП — это базирующаяся на определенной СК группировка грамматических и "строєвых" лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Каждое поле охватывает систему типов, разновидностей и вариантов определенной СК, соотношенную с формальными средствами их выражения.

Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями.

Каждое поле входит в более широкую систему, элементы которой играют роль среды по отношению к данному ФСП как исходной системе [Бондарко, 1985, 13—23]. Обычно ФСП включается в целый комплекс пересекающихся систем. Функцию среды по отношению к данному полю выполняют все поля в составе определенной

группировки ФСП и за ее пределами, которые взаимодействуют с изучаемым полем, участвуя в формировании, сохранении и развитии его свойств как системы.

Разумеется, в конкретном сопоставительном исследовании методом анализа может быть, как правило, одно ФСП или даже одно из более частных функционально-семантических единств в рамках данного поля (например, не все поле фазовости, а более частное поле начинательности), однако при анализе любой частной функционально-семантической подсистемы необходимо учитывать ее окружение, определяя место изучаемого единства в более широкой системе.

Соотнесение понятий СК и ФСП в сопоставительных исследованиях связано с тем, что СК в ее универсальных аспектах представляет собой основание для сравнения, тогда как поля в изучаемых языках — сопоставляемые системы, включающие специфические признаки строя сравниваемых языков. Такие системы в разных языках могут существенно отличаться друг от друга. Ср., например, поле определенности/неопределенности в "артиклевых" и "безартиклевых" языках. С этим связана необходимость независимого анализа ФСП в каждом из сопоставляемых языков (более подробное изложение теории поля в грамматике и принципов сопоставительного анализа ФСП см. в работах: [Бондарко, 1983, 76—88; 1984, 21—26, 47—98; Теория функциональной грамматики..., 1987]).

Категориальная ситуация (КС)

Понятие ФСП ориентировано на изучение языковых фактов в системно-парадигматическом аспекте. В рамках определенного функционально-семантического единства анализируются более частные подсистемы вместе с элементами их парадигматической среды (например, в рамках поля лимитативности рассматриваются видовые и видо-временные формы вместе со способами действия и разрядами предельных/непредельных глаголов). Такой аспект анализа языковых единств необходим, однако его нельзя признать достаточным. Требуется понятие, которое связало бы поле как парадигматическую систему с ее репрезентациями в речи, в высказывании, где парадигматические аспекты предмета анализа вступили бы во взаимодействие с аспектами синтагматическими. Таким понятием является "категориальная ситуация".

КС — это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) базирующаяся на определенной СК и образуемом ею в данном языке ФСП; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (модальную, темпоральную, аспектуальную; локативную, качественную и т.п.).

КС, доминирующие в содержании высказывания, в ряде случаев могут быть соотнесены с наименованием типов предложений (высказываний) по господствующему в них содержательному признаку.

(р., например, предложения (высказывания) бытийные, посессивные, качественные, компаративные.

Особенностью понятия, стоящего за термином "КС", является акцент на содержательной структуре анализируемых типовых ситуаций. В каждой из них выделяются элементы (компоненты, участники), находящиеся в определенных соотношениях.

Использование понятия КС особенно целесообразно в тех случаях, когда рассматриваемая семантика не сосредоточена в какой-то одной форме (глагола, имени существительного и т.п.), а затрагивает целый ряд компонентов высказывания. Именно в таких случаях аспект структуры ситуации и структуры ее выражения раскрывается наиболее полно. Так, семантика состояния определяется семантическими признаками не только предиката, но и субъекта, а также отношением к объекту и возможным другим элементам высказывания (в частности, обстоятельственным). В связи с этим целесообразно рассматривать состояние как категорию не одного лишь предиката, а высказывания в целом (ср. анализ «предложений "Состояния"» в работе: [Степанов, 1981, 314—330]). Признак "состояние" (статальность) раскрывается в семантической структуре статальной ситуации, включающей ряд более частных конститутивных признаков, таких, как неизменяемость ситуации в течение некоторого (обозначаемого или необозначаемого) периода времени, длительность, неконтролируемость ситуации со стороны субъекта [Булыгина, 1982, 7—85; Селиверстова, 1982, 86—157; Матханова, 1986, 82—84].

Предметом сопоставительного анализа может быть вся система вариативности ситуаций (статальных, лимитативных, посессивных и т.п.) в изучаемых языках — типы ситуаций, разновидности и варианты, соотношенные с определенными средствами формального выражения. В результате подобных исследований могут быть выявлены черты общности и различия, раскрывающие разные аспекты и "способы языкового существования" семантической категории, представленной в структуре высказывания.

КС связаны с СК и ФСП сложными отношениями взаимообусловленности. Наиболее конкретным предметом анализа являются КС, выступающие в том или ином частном варианте в рассматриваемых высказываниях. Однако уже в этом "отдельном" представлена его связь с общим и зависимость от общего. Тот или иной категориальный аспект передаваемой высказыванием общей ситуации (аспект темпоральный, локативный, каузальный и т.п.) выделяется на основе определенной СК, имеющей обобщенный статус существования, т.е. представленной не только в данном высказывании, но и во множестве других. Поэтому отдельный частный вариант данной ситуации, выделяемый в содержании высказывания, с одной стороны, служит конкретной основой для выделения категориальных семантических признаков, а с другой — детерминируется теми СК, которые уже выделены в мыслительно-языковом содержательном целом.

КС — более конкретный предмет анализа, чем ФСП, потому что этот предмет репрезентируется фактами отдельных высказываний. Именно

эти факты образуют конкретную основу для того сложного парадигматического обобщения, каким является ФСП. В этом смысле ФСП производны от КС. С другой стороны, представленные в данном языке ФСП с их содержательной основой — определенной СК и комплексом средств ее выражения — в известном смысле являются базой для всех частных репрезентаций данного поля в различных высказываниях.

Если сопоставительное исследование ведется на основе материала, извлекаемого из текстов на изучаемых языках, то это (в данной системе понятий и терминов) прежде всего исследование типовых КС в их многоступенчатой содержательной вариативности, сопряженной с вариативностью средств формального выражения. Лишь на базе высказываний, извлеченных из множества текстов, возможны выводы о семантике и структуре изучаемого ФСП как парадигматического единства.

Итак, понятия СК, ФСП и КС, дополняя друг друга, образуют определенную систему. В частности, применительно к сопоставительным исследованиям понятие СК дает основание для определения состава изучаемых языковых явлений и для их сравнения; понятие ФСП позволяет наметить "общую схему" той системы, которую образуют в сопоставляемых языках средства выражения вариантов данной СК, и, наконец, понятие КС позволяет проводить анализ репрезентаций СК и ФСП в конкретных высказываниях, учитывая взаимодействие исходных систем и их речевой среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. N 1.
- Булыгина Т.В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Есперсен О.* Философия грамматики: Пер. с англ. М., 1958.
- Матханова И.П.* Статальные ситуации в русском языке // Функционально-типологические проблемы грамматики: Тезисы научно-практической конференции "Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе". Вологда, 1986. Ч. 2.
- Мещанинов И.И.* Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. 1945. N 1.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978.
- Селиверстова О.Н.* Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Селиверстова О.Н.* Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Солнцева В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ. 1984. N 2.
- Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения: (Семиологическая грамматика). М., 1981.

Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы *весь/целый* и *all/whole*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

В.Б. Касевич

ФОНОЛОГИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ

Представляется необходимым начать с краткого изложения того, из какой трактовки значащихся в заголовке понятий мы будем исходить.

Относительно ясен статус типологии. Типология изучает: а) универсальные свойства языков, б) структурные свойства, присущие тем или иным классам языков. Опираясь классами и в экстремальном случае всем универсумом языков, типология вправе прибегать к таким, например, абстрациям, как язык-эталон: хотя последний, как правило, не отражает прямо ни одной из реально существующих систем, он воплощает в себе некоторый идеальный тип и служит инструментом сравнения реальных систем. В то же время важно адекватно понимать природу таких образований. В частности, типолог не должен (как это иногда делается) отождествлять единицы и структуры разных языков на основе их (единиц, структур) дополнительного распределения. Например, если бы в одних языках формально выражалось различие между настояще-прошедшим (небудущим) и будущим временами, а в других — между прошедшим и настояще-будущим (непрошедшим), из этого не следовало бы делать вывод, что "объективно" существует трюичная оппозиция прошедшего/настоящего/будущего, которая по-разному редуцируется до двоичной в конкретных языковых системах. Языков в их значениях, равно как и любых других языковых сущностей, нет за пределами данного конкретного языка. Их можно сравнивать и классифицировать, пользуясь для этого, в частности, и "конструктами" типа языка-эталона, но нельзя помещать в некое "межъязыковое пространство".

Наверно, нужно признать, что объем понятия "сравнительное языкознание" достаточно неопределенен. Сравнение, сопоставление лежит в основе и типологии, и сравнительно-исторического языкознания, и ареальной лингвистики. Что можно считать отличительными чертами именно сопоставительного языкознания? Возможны, как представляется, два решения. Одно — считать "сопоставительное языкознание" общим обозначением для упомянутых и, возможно, каких-либо еще отраслей лингвистики. Другое состоит в том, чтобы, наоборот, сузить это понятие, отождествив его с контрастивной лингвистикой. Последнюю кажется целесообразным понимать следующим образом. Объект контрастивной лингвистики — это те языки,

которые реально взаимодействуют в силу того, что ими пользуются би- или мультилингвы (степень владения разными языками у данного билингва может быть сколь угодно различной). Отсюда вытекает, что контрастивное исследование на базе, скажем, ительменского языка и языка нупе вряд ли законно, ибо нупе-ительменский билингвизм как будто бы не засвидетельствован и едва ли когда-нибудь появится. (Типология в отличие от этого не знает подобных ограничений).

При указанном подходе контрастивная лингвистика — теоретический фундамент для изучения процессов, которые имеют место при языковых контактах — будь то стихийных или при обучении неродному языку. В контрастивной лингвистике должны совмещаться и собственно лингвистический, преимущественно типологический, метод исследования, и психолингвистический, и социолингвистический. Разумеется, нужно также учитывать, что взаимодействие языков — это "диалог" не только языковых систем, но и культур.

Несколько вводных замечаний о фонологии. Традиционно принимается, что в иерархии уровней языка и речевой деятельности фонология занимает низшую ступень. Если это положение понимать таким образом, что фонологические средства призваны более или менее механически "озвучивать" полностью сформированные речевые структуры при речепроизводстве и обеспечивать фонологическую транскрипцию воспринимаемого высказывания, то согласиться с традиционными представлениями нельзя. Фонология — не столько уровень, сколько относительно автономный компонент с собственными уровнями. Последние обеспечивают звуковое представительство других компонентов языка и их уровней; так, интонации коррелируют с синтаксисом и семантикой, ритмические (акцентные) структуры — с лексикой и морфологией, фонемы — с морфемикой и т.п. [Касевич, 1983]. Любые фонологические средства существуют для того, чтобы сделать возможным функционирование языковых структур, участвующих в передаче смысла, и должны рассматриваться именно с этой точки зрения.

Коль скоро это так, типологическое изучение фонологических систем также должно ставить во главу угла характер функционирования звуковых единиц для передачи единиц знаковых. В этой связи кратко напомним основные положения теории фонологии слоговых языков [там же]. Согласно этой теории и вытекающим из нее следствиям все современные языки распределяются по четырем фонотипологическим классам: слоговые языки (китайско-тибетские, тайские и нек. др., возможно, в том числе и западноафриканские языки наподобие манде, ква), неслоговые, или фонемные (индоевропейские, "алтайские" и др.), несобственно слоговые (мон-кхмерские, возможно, также японский), неслоговые с чертами силлабизма (большинство индонезийских). В слоговых и несобственно слоговых языках основной фонологической единицей сегментной сферы выступает слог, или силлабема; именно слог является необходимым и достаточным минимумом для формирования экспонента морфемы. Не-

слоговые языки оперируют фонемой в качестве основной сегментно-фонологической единицы. В неслоговых языках с чертами силлабизма в области сегментной фонологии сосуществуют две соподчиненные единицы: фонема и силлабема.

Такой предстает "большая" типология, рассматривающая сегментную фонологию языков; "большая" потому, что основание классификации здесь — соотношение фонологических единиц с морфемами, т.е. с теми знаковыми единицами, непосредственно для конституирования которых они существуют.

В области просодической фонологии "большая" типология строится на тех же функциональных основаниях. Прежде всего выделяются акцентные и тональные языки. В первых в качестве просодического средства субинтонационного уровня используется ударение, которое выделяет слово — базовую единицу языкового механизма соответствующих языков. К акцентным языкам принадлежит большинство современных индоевропейских.

В тональных языках, которые с точки зрения сегментной фонологии обычно выступают слоговыми, основное просодическое средство — тон, который помечает любую слогоморфему, особую моносиллабическую единицу, нередко проявляющую свойства не только морфемы, но и слова (хотя в ряде случаев она лишена значения) [Касевич, 1983]. Вопрос о том, возможно ли сосуществование ударения и тона в пределах одного языка, остается открытым; скорее всего, такая возможность возникает при перестройке языка от слогоморфемного типа к лексемному или наоборот.

Можно уже считать практически доказанным, что существуют и языки, не обладающие ни тоном, ни ударением — анакцентные. Это прежде всего сингармонистические языки: монгольские, тюркские (хотя, вероятно, не все). И здесь отсутствие словесного ударения объяснимо, если взглянуть на него с точки зрения нужд знаковых единиц. Сингармонизм обеспечивает фонологическую цельность слова и отсюда его выделенность в тексте, т.е. выполняет те функции, которые и относятся к сфере словесного ударения. Соответственно возникает возможность (хотя, разумеется, не необходимость) "обойтись" без ударения [подробнее см.: Касевич, 1986].

Сложнее обстоит дело с несингармонистическими языками, применительно к которым также отрицают фонологическую релевантность словесного ударения, т.е. причисляют их, как например, французский, к классу анакцентных [Шерба, 1957]. Обоснование анакцентности французского слова — также функциональное: ударение во французском языке оформляет не слово, а ритмическую группу, поэтому и следует считать его не словесным, а ритмическим. Вместе с тем в литературе не обращается внимание на то, что последовательное проведение этой точки зрения должно привести к признанию анакцентными многих других языков, например английского и японского. В английском, как известно, типичная ритмическая группа — это ударный слог с примыкающими справа безударными, причем границы ритмической группы не обязательно

совпадают со словесными. Иначе говоря, в английском высказывании, как и во французском, ударение оформляет не слово, а ритмическую группу; разница в том, что во французском, в силу фиксированности ударения, граница группы — это всегда одновременно граница слова, но не наоборот, а в английском граница группы может не быть границей слова, и наоборот.

В японском языке акцентный контур сплошь и рядом распространяется на многокомпонентные сочетания, которые по грамматическим признакам трудно счесть словами, например *нихон-ко-кумин* 'японский народ' [Пашковский, 1980].

Вероятно, французский язык, равно как английский и японский, все же не следует относить к анакцентным. Во-первых, во всех этих языках ударение несомненно присуще слову, если последнее рассматривать как единицу словаря. Во-вторых, не следует преувеличивать степень расхождения между словом и ритмической группой в тексте; так, для французского текста типичнее их совпадение [Виллер, 1979], того же надо ожидать для английского текста, учитывая статистическое преобладание начального ударения в слове. В-третьих, наконец, словесное ударение в языках типа русского противопоставлено синтагматическому, но ведь и во французском, в английском, японском языках ударение, о котором идет речь, никак не совпадает с синтагматическим, а противопоставлено ему. Следовательно, оно занимает в системе то же место, что и "обычное" ударение, характеризующее слово.

Если "вернуть" словесное ударение французскому языку и "не лишать" его такие языки, как английский или японский, то типологическая разница между этими языками и, например, русским будет заключаться в объеме и характере фонетического слова: в русском тексте ударение тоже оформляет не слово, а фонетическое слово, но эти две категории отличаются только отсутствием/наличием служебных слов-клитик соответственно*, в то время как фонетическое слово (ритмическая группа) французского или японского языков может включать несколько знаменательных слов с различным грамматическим статусом, а английского — также и "части" знаменательных слов.

Важен с типологической точки зрения статус фиксированного

* Вообще говоря, природа фонетического слова в русском языке, как, впрочем, и в других, исследована далеко не достаточно. Отличаются ли акцентологически такие последовательности, как *дядя Ваня* и *на диване*? Ведь первая традиционно считается двумя фонетическими словами с двумя ударениями, а вторая — одним с единственным ударением. Не сводится ли в действительности вся разница к тому, что в первом случае в позиции вне синтагматического ударения возможны гласные, не встречающиеся как безударные (ср.: *тетя Таня*), а во втором это исключено? Может быть, следовало бы вспомнить о не получившей отклика в литературе идее Э. Пальгрэма, который предложил различать нексус и курсус: первый — сочетание слов, которое фонетически подобно слову и по сегментным, и по просодическим свойствам, для второго же достаточно просодического подобия [Pulgram, 1970, 25, 29]. Тогда *на диване* будет нексусом, а *дядя Ваня* — курсусом (мы отвлекаемся от связи понятия курсуса с морфонологией, с одной стороны, и паузацией — с другой, что, по-видимому, существенно для Пальгрэма).

ударения. Это ударение нередко расценивают как нефонологическое [Тронский, 1962; Кузнецов, 1965], а в этом случае все языки с фиксированным ударением (которых в мире, кстати, большинство) оказываются анацентными. Истоки концепции ясны: фиксированность ударения означает его предсказуемость, отсутствие дистинктивных потенциалов, а все предсказуемое, недистинктивное принято считать нефонологичным. Не обсуждая вопроса в общем виде, заметим следующее. Во-первых, ударение типа пенультимативного польского, инициального чешского предсказуемо, скорее, в словаре, а не в высказывании, в тексте: это в словаре "даны" границы слова, по которым предсказуема позиция ударения, в тексте же, наоборот, естественнее определять словесные границы по ударению. Во-вторых, дистинктивная функция для любого ударения носит сугубо периферийный характер, а к числу важнейших принадлежит делимитативная. Но эта последняя выполняется именно фиксированным ударением наиболее эффективным способом. Таким образом, польский, чешский, фарси (таджикский) и многие другие языки с фиксированным ударением едва ли целесообразно считать анацентными.

Объем статьи не позволяет нам затронуть вопросы "малой" типологии: это — типы консонантных и вокальных систем, их соотношение в парадигматике и функционирование в синтагматике, структура слога, роль слога и моры, место и статус сонантов, способы фиксирования ударения и целый ряд других. Совсем ничего мы не сказали об интонационной типологии — особой обширной области [Николаева, 1977].

Что должно стать теоретическим фундаментом контрастивного исследования фонологических систем? (Ограничимся ситуацией усвоения второго языка). Каждый конкретный язык развивается на базе общечеловеческих врожденных структур, обеспечивающих его усвоение. Второй язык возникает уже на базе первого языка, где универсальный компонент присутствует как бы в снятом виде. Вот этот трансформированный первым языком универсальный компонент и должен быть выделен как исходный пункт освоения неродного языка.

Возможно, для фонологии особую роль должен играть в этом аспекте слог. На основе элементарных слоговых структур строится в онтогенезе фонологический инвентарь любого языка; во "взрослом" языке слоговое членение также неизменно присутствует, хотя его закономерности и функции в разных языках различны. Идти от слога и слоговых структур — значит опираться на уже сформированное правило, чтобы сформировать новое.

Можно привести небольшой конкретный пример. Известно, что для испанцев, осваивающих второй язык, значительную трудность представляют начальноконсонантные сочетания, на которые в испанском наложены жесткие ограничения. Поэтому носитель испанского языка вместо, скажем, англ. *my smoking* произносит "*my esmoking*" (кстати, именно с такой протезой существует это слово в качестве заимствования в испанском языке). Однако, как сообщают, если предложить обучающемуся произнести то же самое сочетание с другой

слоговой границей — как [mais moukiŋ], то трудность оказывается преодоленной. Учет закономерностей первого языка в сравнении со вторым помогает обойти барьер на начальных этапах усвоения языка.

С точки зрения контрастивной лингвистики описание фонологических систем взаимодействующих языков должно служить основой для прогнозирования интерференции. Так, выше упоминалось о сильной предрасположенности сингармонистических языков к анацентности. Будет естественно, если усвоение ударения представит серьезные проблемы для носителя такого языка при изучении языка акцентного. И действительно, эти трудности отмечаются практиками: "При изучении русского языка в татарской школе одним из особенно трудных вопросов оказывается вопрос ударения" [Клюева, 1958, 73]. Возможно, для преодоления этих трудностей следует опираться на интонационные возможности родного языка.

Контрастивно ориентированное описание языка должно напоминать не только типологическое, но и описание с позиций динамической синхронии: как в последнем указываются "слабые звенья" системы и вероятные пути ее дальнейшего развития, так и в контрастивном специально отмечается, что может "произойти" с данным языком, если он вступит в контакт с некоторым другим. Есть и более частная аналогия между диахронией и усвоением второго языка. Теория лексической диффузии отмечает, что кривая распространения фонологической инновации в пространстве словаря имеет специфическую форму: сначала она затрагивает относительно небольшую часть словаря, затем охватывает основной корпус и, наконец, оставшуюся небольшую часть [Wang, 1969]. Близкую к этой картину можно наблюдать и при освоении фонологических элементов. Например, при изучении русского языка киргизами русская фонема /с/ реализуется удовлетворительно в высокочастотных словах, в то время как в новых и низкочастотных заменяется на /s/ [Момунбаева, 1984].

По-видимому, объяснение заключается в том, что человек вырабатывает умение оперировать "схемами" слов, где последние фигурируют как целостные нечленимые единицы (ср. понятие "общего облика слова" у С.И. Бернштейна [Бернштейн, 1937]); такие схемы возникают раньше всего применительно к освоенным высокочастотным словам. Контрастивная фонология должна заниматься сравнением не только инвентарей фонологических единиц и правилами их функционирования, но и фонологическими признаками целостных языковых единиц — слов и т.п. Однако эта задача еще только ставится и в общей теории фонологии.

Следует учитывать и внутриязыковые закономерности реализации одних единиц относительно других, которые могут не совпадать в разных языках. Так, вопреки Хомскому и Халле [Chomsky, Halle, 1968, 295], временные характеристики гласных и согласных в рамках слова отнюдь не определяются универсальными правилами. Например, в немецком языке начальные сонанты обнаруживают зна-

чительно меньшую длительность, чем конечные, в то время как во французском языке такого соотношения не наблюдается [Сотникова, 1984]. Аналогично, Р. Порт и др. показали, что взаимозависимость длительности гласных и согласных в сходных сочетаниях арабского, японского и английского языков обуславливается существенно разными правилами [Port et al., 1980]. Вполне понятно, что такие закономерности, которые регулируются механизмами низших уровней, представляют собой особую трудность при усвоении соответствующих языков.

Мы отметили лишь некоторые из аспектов, которыми обычно не занимается контрастивная фонология. За рамками нашего изложения остались проблемы интонации, различия в которой — всегда мощный источник интерференции.

Теоретически выверенный подход к контрастивной фонологии голько начинает, в сущности, развиваться. Можно надеяться, что с совершенствованием аппарата общей фонологии, типологии окажется возможным подвести и более основательную теоретическую базу под контрастивную фонологию, столь важную для ряда практических приложений.

ЛИТЕРАТУРА

- Виллер М.А.* О зависимости французской ритмической группы от стиля речи // Звуковой строй языка. М., 1979.
- Бернштейн С.И.* Вопросы обучения произношению. М., 1937.
- Кисевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Кисевич В.Б.* Морфонология. Л., 1986.
- Клюева В.* [Рецензия] // Рус. язык в нац. школе. 1958. N 6 — Рец. на кн.: Субаева М.Ш. Обучение русскому ударению в татарской школе. Казань, 1957.
- Кузнецов П.С.* К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1985.
- Момунбаева М.И.* Восприятие и воспроизведение согласных неродного языка в условиях двуязычия: Экспериментально-фонетическое исследование на материале киргизского, русского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Пашковский А.А.* Слово в японском языке. М., 1980.
- Сотникова Т.В.* Акустические характеристики сонантов: Экспериментально-фонетическое исследование на материале французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Тронский И.М.* Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М., 1957.
- Chomsky N., Halle M.* The sound pattern of English. New York e.a., 1968.
- Port R.F., Al-Ani S., Maeda Sh.* Temporal compensation and universal phonetics // Phonetica. 1980. Vol. 37, N 4.
- Pulgram E.* Syllable, word, nexus, cursus. The Hague; Paris, 1970.
- Wang W.S.-Y.* Competing changes as a cause of residue // Language. 1969. Vol. 45, N 1.

ПРИНЦИПЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Основой сопоставительного изучения лексики, как и вообще сопоставительного изучения языков, является наличие определенных общностей между всеми языками мира в плане выражения, базирующихся на единстве речевого аппарата у всех людей, и в плане содержания, базирующихся на единстве окружающего нас мира и общности отражающего его мозга носителей всех человеческих языков. Вместе с тем в ходе исторического развития языков в них, и в частности в их лексике, сложились весьма значительные различия, касающиеся как плана выражения, так и плана содержания. Предметом сопоставительной лексикологии являются сходства и различия лексических составов сопоставляемых языков.

Общность мышления и общность мира обуславливают возможность определенной эквивалентности текстов на различных языках. Однако эквивалентность текстов не означает эквивалентности составляющих их элементов, в частности слов. Это было замечено уже давно. Автор одного из первых восточнославянских словарей Памва Берында, раскрывая, например, значение слова "словенского" (церковнославянского) языка *плѣска*, не мог найти для него состоящего из одного слова эквивалента в западнорусском языке и толковал: "луцинка з которой жолудь albo орѣх выпадает". Как известно, существующие описания лексики одного языка, приближающиеся к полноте, — это словари. Сопоставительное описание лексики — не исключение; лишь переводные словари являются в настоящее время реальными тотальными (или приближающимися к ним) сопоставлениями лексики двух языков. Правда, как и в случае одноязычных описаний лексики, переводные словари обладают недостаточно эксплицированной системностью, хотя при составлении словарей и применяются методы, учитывающие в большей или меньшей мере системность лексики, во всяком случае стремящиеся к осуществлению определенной систематичности в толкованиях, переводах и т.п. в рамках описания различных слов в данном словаре. Однако словари, естественно, описывают отдельные слова; связи же между словами в словарях раскрываются слабо. Это относится и к переводным словарям. Так, к примеру, в "Киргизско-русском словаре" К.К. Юдахина слово *курак*₂ переводится русскими словами *время, момент; возраст*. Но даже в том случае, если словарь уточняет в рамках данной статьи употребление того или иного слова, для сопоставительной лексикологии необходимы, видимо, не только переводы, и весь комплекс значений и употреблений слов, сопоставляемых словарных эквивалентов. Ведь в данном примере лишь слово *возраст* в "Русско-киргизском словаре" под ред. К.К. Юдахина переводится киргизским словом *курак*; слово *время* — словами *убак/убакыт, заман, мезгил, маал, чак*, которые в свою очередь переводятся на русский язык словом *время* (то есть они взаимно переводимы), а также словом

доор, которое означает 'век', 'эпоха', но не 'время'. Слово *момент* переводится на киргизский словами *момент* и *учур* (первое переводится только русским *момент*, второе — еще и словами *время*, *случай*). *Возраст* переводится наряду со словом *курак* еще и словом *жаш*, среди переводов которого на русский язык в словаре не приводится *возраст* (а даются *жизнь*, *год*, *молодость*, *свежесть*). Такой анализ по переводным словарям можно было бы продолжить, учитывая киргизские переводы слов *век*, *эпоха*, *трудное*, *смутное*, *время*, *сезон*, *раз*, появившихся наряду со словом *время* среди переводов слов *доор*, *заман*, *мезгил*, *маал* в "Русско-киргизском словаре", и обратившись к последующему ряду переводов. В результате мы, вероятно, сможем выделить лексические группировки, обозначающие отрезки времени, а через них — лексические группировки "возраста-жизни", "молодости-свежести" и "случая", которые уже, очевидно, не имеют прямых связей с исходным словом *курак*. Однако установление такой сети взаимных переводов еще не может считаться сопоставительной лексикологией, хотя и является, видимо, ее существенным фрагментом.

Если отвлечься от плана выражения, который уже заслуживает особого внимания, то в отношении плана содержания такая сеть взаимопереводимости (на основе хорошего словаря ее можно вывести) все же недостаточна: в ней не раскрываются внутренние семантические структуры рассматриваемых слов. Для того чтобы проникнуть в семантику отдельного слова, за последнее время разработан ряд методик, которые применимы и к сопоставительному изучению лексики.

Возможно применение определенных разновидностей компонентного анализа. Это было показано на материале славянских языков и диалектов Н.И. Толстым, В. Бланаром. Главной особенностью и вместе с тем трудностью применения компонентного анализа при сопоставлении является подбор достаточно тонких для выявления, иногда не слишком резких различий и вместе с тем универсальных или хотя бы общих для сопоставляемых языков сем (компонентов, семантических дифференциальных признаков). Построенная с учетом соотносимости английского и русского фактического материала сеть семантических дифференциальных признаков дорожных объектов позволила, к примеру, показать специфические отношения между несколькими названиями дорожных объектов русского и английского языков, объединенных признаком трансверсивности — пересеченности (или функции соединения): англ. *thoroughfare*, *crossing*, рус. *переезд*, *перекресток*, *переулок*, *переход*, *проезд*. Русские слова *проезд* и *переезд* маркируются по признаку "проезжать", который в английском языке для этой группы нерелевантен. «Если английское слово *crossing* имеет значение только "пересечение дорожного объекта", то русские *переезд* и *переход* имеют соответственно значения "пересечение дорожного объекта с применением транспорта" и "пересечение дорожного объекта пешком". Такое же соотношение между существительными наблюдается и при рассмотрении слов... *detour* — *объезд*, *обход* [Посох, 1986, 35].

Возможно использование данных дистрибутивного анализа. При сравнении соответствующих лексем в сопоставляемых языках, на что обратила внимание В.Н. Ярцева, оказывается, что сочетаемость слов *grey* и *серый* при общем значительном сходстве, включая вторичные сочетания типа *серый день*, *grey life*, демонстрируют различия в использовании некоторых других сочетаний: *grey hair* — обычно *седые волосы*, *серый человек* — 'малокультурный человек'. Эти несовпадения свидетельствуют о различиях в значении этих слов английского и русского языков.

Может быть применен также психолингвистический анализ. Это было показано в ряде исследований, в частности А.А. Залевской, А.П. Клименко. Сопоставительный анализ ассоциативных полей слов русского языка *жесткий* и *твердый* и киргизского слова *катуу*, проведенный Л.Н. Титовой, продемонстрировал, что в ассоциативном поле последнего суммируются поля названных русских слов, а кроме того, добавляются элементы ассоциативных полей слов *сильный*, *жестокый* и *громкий*, которые, однако, не полностью исчерпываются полем слова *катуу* [Титова, 1975, 32]. Поскольку уже отмечалось сходство (но не тождество) результатов ассоциативного и дистрибутивного анализов, данные обоих методов представляются важными взаимокоррелирующими дополнениями к результатам компонентного анализа, при котором ряд деталей поневоле оказывается за пределами возможностей этого метода.

При сопоставлении отдельных слов заслуживают внимания и другие данные. Так, бесспорно определенную информацию предоставляет деривационная история, или морфемный состав, слов в сопоставляемых языках: в немецком многим русским однокоренным словам соответствуют композиты (*супруга* — *Ehefrau*, *заградитель* — *Sperrschiff*, *Sperrfahrzeug*); с другой стороны, множество немецких сложных слов переводится по-русски словосочетаниями (*Feuerspritze* — *пожарный насос*). Представляют интерес и статистика употребления слов, их общая частотность и распространенность по подязыкам. Показательно изучение отношений эквивалентности лексики. Известно, что 5—10% слов языков даже одного культурного круга, например европейских, не имеют однословных соответствий в другом языке. Это и случаи, когда нет соответствующей реалии (и когда при необходимости легко начинают использоваться так называемые экзотизмы), и случаи, когда соответствия в другом языке не возникли по иным причинам (например, болг. *запролетява се* — 'начинается весна'). Могут быть названы и еще некоторые аспекты, в которых целесообразно сопоставительное изучение отдельных слов.

Не следует, видимо, пренебрегать сопоставлением плана выражения слов в сопоставляемых языках. Его совпадение, полное или частичное, характерно, конечно, прежде всего для родственных языков, но проблема так называемой интернациональной лексики важна для сопоставления неродственных языков, как и специфика различий плана выражения: фонетических, словообразовательных, грамматических и т.д.

Но поскольку слова представляют собой части лексической

системы, особенно плодотворным оказывается сопоставление групп слов. Так, видимо, целесообразно сравнивать не столько отдельные слова — *путь* в русском языке, *шлях* в белорусском и *road* в английском, сколько соответствующие группы синонимов: *путь* — *дорога* в русском, *дарога* — *шлях* в белорусском и *way* — *road* в английском и др., так как распределение функций подобных синонимичных слов весьма своеобразно перекрещивается и смешивается. Например, синонимы *труд* — *работа* — *дело* в русском и *праца* — *работа* — *справа* — *дзела* в белорусском не имеют прямых соответствий элементов синонимических рядов (групп). *Работа* и *праца* в белорусском ближе, чем *работа* и *труд* в русском языке (ср. *найшоў на працу* при невозможности такого употребления слова *труд*), слово же *дзела* в белорусском имеет определенные ограничения в употреблении по сравнению с русским *дело*, поскольку в ряде случаев его заменяет слово *справа*. Разумеется, не только синонимическими, но и другими построенными на семантических основаниях лексическими группами целесообразно оперировать при сопоставительном анализе лексики.

Одним из результативных подходов к сопоставительному анализу лексики может оказаться сопоставление морфемных гнезд, которое характеризует не только собственно словообразовательные возможности отдельных корней либо же тех или иных моделей словообразования, но и существующие в языке чрезвычайно важные для понимания морфемно-семантические связи между словами. Так, в словенском языке гнездо слова *beséda* в несколько раз больше гнезда слова *беседа* в русском языке. Это связано с тем, что словенское слово имеет значение 'слово, речь, беседа', т.е. более широкое, чем его русское соответствие. Напротив, словообразовательные гнезда слов *bés* 'бес', *bès* 'ярость, бешенство' суммарно в словенском несколько меньше русского гнезда *бес*. Это представляет интерес не только с точки зрения индивидуальных словообразовательных возможностей этих корней, но и с точки зрения установления морфемно-семантических связей в языке по семантическим направлениям деривации.

Важное место в сопоставительных штудиях лексики должны занять сопоставления не отдельных слов и групп, а лексикона языка в целом. Начать можно в принципе с сопоставления объема лексикона. При всей относительности данных современных словарей на этот счет бесспорно значимо различие объема русского и польского лексиконов (современные наиболее авторитетные словари русского и польского языков включают 120 тыс. и 125 тыс. слов), с одной стороны, и лексиконов верхне- и нижнелужицкого языков (словари которых включают соответственно 46 тыс. и 40 тыс. слов) — с другой. Это различие связано, конечно, с существенным функциональным несовпадением русского и польского языков по сравнению с серболужицким. Другим аспектом изучения объема лексикона в целом является рассмотрение заполненности его частей. Классические примеры множественности названий видов песка в арабских диалектах или снега в языке эскимосов могут быть в наше время пополнены констатацией наличия или отсутствия, развитости или

неразвитости определенных терминологических систем в тех или иных языках. Так, терминосистема электросварки, примерно одинаково развитая в русском, английском и украинском языках, существенно слабее представлена в белорусском. Совокупность таких характеристик безусловно важна при сопоставительном изучении лексических систем языков.

Одно из главных членений лексического состава языка — грамматическая классификация слов по частям речи. Оно не совпадает в разных языках. Дело не только в различных составах частей речи, в специфике грамматической их характеристики (ср. важность рода при квалификации русских существительных и прилагательных и отсутствие рода для этих частей речи в английском). Дело еще и в распространенности или нераспространенности переходов из одной части речи в другую, в возможности употребления слов в функции как одной, так и другой части речи (и связанных с этим грамматическими преобразованиями). Так, скажем, в английском или киргизском языках широко распространено явление, называемое иногда конверсией: одна и та же лексема (в смысле "звуковая оболочка слова") может выступать и как существительное, и как глагол, и как прилагательное, и как наречие, ср. кирг. *темир* 'железо' и 'железный', англ. *cure* 'лекарство' и 'вылечивать', кирг. *жакшы*, англ. *good* 'хороший' и 'хорошо'. Разумеется, такие переходы лексемы от одной совокупности грамматических свойств к другой — существенная характеристика лексикона. Однако дело отнюдь не в простом указании на такую возможность, но и в рассмотрении конкретных особенностей ее проявления в языке. Так, конверсия на участке "существительное — прилагательное" не исключена и в русском языке (ср. *жаркое* или *дежурный*). Но в лексикологическом плане очень важно выяснить те семантические и формальные пределы, в которых действует такая закономерность. Точно так же могла бы рассматриваться и морфемная структура лексикона: место, например, сложных слов в словаре и те конкретные условия, когда проявляются особенности морфемно-словообразовательной структуры слова.

Можно указать еще на ряд параметров, характеризующих лексику, сопоставительные данные о типичных инициалах и финалях лексем, о длине лексем (в фонемах и в словах, а также в морфемах) с точки зрения типичности и допустимых пределов. Интересны общие закономерности ассоциативной характеристики лексики в языке в том или ином плане; так, в американских экспериментах явственно выступает большая сосредоточенность лексических наполнителей ассоциативных полей по сравнению с русскими, польскими, болгарскими, киргизскими, молдавскими или латышскими экспериментами: испытуемые выдают меньшее число ассоциатов на эквивалентные слова-стимулы, наиболее частые ассоциаты выдаются намного чаще, т.е. ассоциативные связи слов как бы стандартизованы, причины чего еще недостаточно изучены. Различна в разных языках и текстообразующая роль слов. Так, десять наиболее часто употребляющихся слов испанского языка покрывают 0,301 всего текста (в словах), английского языка — 0,237, латышского — 0,142; первая

сотня слов по частотности в испанском и английском языках занимает почти половину текста (в словах), а в славянских языках — несколько более 0,4. Разумеется, большую роль играют здесь артикли, аналитизм английского и в меньшей степени аналитические черты испанского. Но как тогда объяснить, что в белорусской прозе первая сотня слов занимает те же 0,48 текста, что и в английском языке? Вопрос явно требует дальнейшего изучения.

Значительный интерес представляет и сопоставление стилистического членения лексикона. Важны самые основы такого членения. Очевидно, например, что русский лексикон (между прочим, с включением в него значительной доли стилистически окрашенных старо-славянизмов) в стилистическом плане организован иначе, чем белорусский. Если судить по исследованиям роли романских элементов в английском, то английский лексикон в стилистическом плане несколько отличается от немецкого. Однако сплошные обследования лексики в сопоставительно-стилистическом аспекте еще предстоят. Важен в сопоставительном плане и вопрос об этимологическом составе лексики как в аспекте динамики изменения лексикона, так и в аспекте его функционирования, особенно если иноязычная лексика или ее часть так или иначе отличается по употреблению от исконной.

Сопоставительное изучение лексики из-за сложности объекта должно иметь, как и типологическое ее изучение [Супрун, 1983], комплексный характер. Конечно, вполне правомерны исследования отдельных сторон лексикона в сопоставительном плане, но при этом такое одноплановое изучение так или иначе включается в многоплановое комплексное изучение лексики как его составная часть. Сопоставительная характеристика лексикона может стать существенной частью общего сопоставительного изучения языков (важного как в прикладных, так и в теоретических целях), поскольку оно позволяет раскрыть новые грани многообразия человеческих языков и богатство общечеловеческого мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- Погох А.В.* Лексико-семантическая группа названий дорог // Сопоставительная лексикология английского и русского языков: Учебное пособие. Минск, 1986.
- Супрун А.Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983.
- Титова Л.Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИКРОСИСТЕМ ЛЕКСИКИ И ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМНОГО ХАРАКТЕРА ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ

Для выявления общих системных свойств лексики разных языков и специфики каждой из них очень многое дает применение сопоставительно-контрастивной методики. Она состоит в параллельном прослеживании характерных особенностей двух (или более) языков на тех же участках их лексической системы и на том же срезе их исторического развития, иными словами, в сравнительном рассмотрении разноязычных лексических совокупностей, имеющих общую основу в виде того же концепта или той же содержательной структуры.

Мысль о полезности сопоставительного изучения лексических совокупностей, именуемых концептуальными полями, сформулировал в свое время чешский семасиолог О. Духачек в книге, посвященной полю красоты во французском языке. В выводах к данной работе он отмечает, что в концептуальных полях разных языков имеются не только значительные расхождения, но и сходства, объясняемые сходством образа мыслей и восприятия действительности у различных народов, особенно у близких по культуре и жизненному укладу [Ducháček, 1960].

Правда, идея о сопоставительном изучении различных языков путем разложения их лексики на так называемые языковые поля восходит еще к Й. Триру [Trier, 1934], но непосредственное, практическое сравнение лексики разных языков было проведено позже Ш. Балли [Балли, 1955], Ст. Ульманом [Ульман, 1962] и некоторыми другими языковедами [см., например: Юрик, 1958]. Теоретические же принципы сопоставительного исследования тех же концептуальных полей в разных языках были выработаны О. Духачеком [Ducháček, 1966]. Он и некоторые из его учеников осуществили и первые конкретные работы, основанные на этих принципах [ср.: Ostrá, 1967].

Язык любой общности людей выражает в сущности, по словам В. Скалички, один и тот же семантический континуум [Скаличка, 1966], но, отражая характерные особенности ее материальной и духовной культуры, структурирует этот континуум своим специфическим способом.

Каждый язык обладает в силу этого собственной семантической структурой, которая соответствует более или менее частному видению мира людьми, говорящими на данном языке. Этим объясняется, почему те же микросистемы в разных языках изоморфны только в отдельных сферах, а именно в тех, в которых внеязыковые данности строго разграничиваются по определенным объективным критериям, не зависящим от сознания говорящих. Показательно в этом отношении; например, концептуальное поле средств передвижения, которое, по крайней мере в части, составляемой микросистемой родовых наимено-

ваний, совпадает в самых различных языках. Ср. данное поле хотя бы в молдавском, русском и французском языках соответственно:

кар	воз	char
кэруцэ	повозка (подвода)	voiture (chariot)
бичиклетэ	велосипед	bicyclette
моточиклетэ	мотоцикл	motocyclette
аутомобил	автомобиль	automobile
аутобус	автобус	autobus
тролейбус	троллейбус	trolleybus
трамвай	трамвай	tramvay
трен	поезд	train
метроу	метро	métro
авион	самолет	avion
вас	судно	bâteau
(навэ)	(пароход)	
сани	сани	traîneau

Как можно легко убедиться, данные концептуальные поля как количественно (т.е. по наборам входящих в них единиц), так и качественно (т.е. по семантическим компонентам, на которые они разлагаются, и по отношениям между ними) совершенно идентичны.

Но это лишь у тех микросистем, которые имеют под собой строго объективные реальности. Те же, что отражают окружающую действительность субъективно, через собственное восприятие народа-носителя, структурируются лексически по-разному, причем в одном языке могут быть использованы такие способы членения того же семантического содержания, которые совершенно не известны, не свойственны и потому неестественны для другого языка. Например, в русском и во многих германских языках делается четкое различие между понятиями "время" и "погода", которые обозначаются соответственно отдельными лексическими единицами (рус. *время* — *погода*, нем. *Zeit* — *Wetter*, англ. *time* — *weather*), в то время как в молдавском и во французском оба эти понятия совмещаются в одной единице (молд. *тимп*, фр. *temps*, почему в этих языках одинаково корректны как словосочетания *тимп ынделунгат* и *long temps*, что означает 'длительное время', так и *тимп фрумос* и *beau temps*, что означает 'хорошая погода'). Или, скажем, тот фрагмент семантики, который выражается в русском, французском и молдавском одним элементом (соответственно *цветок*, *fleur*, *флорае*), в немецком, польском и чешском членится на две части, обозначенные особыми лексическими единицами (ср. нем. *Blüte* и *Blume*, польск. *kwiat* и *kwiatek*, чеш. *květ* и *květina*). Аналогичных примеров много, ибо тот же концепт может быть выражен по-разному в разных языках. Русский, например, и другие славянские языки, а также молдавский и большинство романских языков располагают для понятия "мясо" только одним словом (ср. рус. *мясо*, молд. *карне*), а французский и английский обладают двумя словами (фр. *chair* — *viande*, англ. *flesh* — *meat*), с помощью которых различаются два понятия. Ср. также:

молд. *a pune*, с одной стороны, и рус. *ставить* — *класть* или фр. *mettre — poser* — с другой; молд. *a spăla* и фр. *laver*, с одной стороны, и рус. *мыть* — *стирать* и болг. *мия* — *пера* — с другой; рус. *рука*, с одной стороны, и нем. *Hand — Arm* и молд. *мынэ* — *брац* — с другой.

Причем там, где тот же концепт членится на части, словарные единицы, обозначающие эти части, являются самостоятельными, со своими особыми лексическими и синтаксическими валентностями (нерелевантными для языков, выражающих весь концепт одной только единицей). Например, рус. *звонить* используется без каких-либо ограничений в таких контекстах, как *звонят колокола* и *звонил мой друг*; во французском же или в молдавском нельзя не учитывать наличия двух элементов для концепта "звонить" (фр. *sonner* и *téléphoner*, молд. *a suna* и *a telefona*), что требует соблюдения правил их сочетаемости (*les cloches sonnent, сунэ клопотеле, но топ ами а телефонне, а телефонат приетенул меу*). Также слово *жертва* в русском языке допускает такие разнообразные окружения, как *жертва была принята, готов на жертву, жертва агрессии*; во французском же для каждого из этих контекстов существуют разные слова: *l'offrande fut acceptée, prêt au sacrifice, victime d'une agression*; что касается молдавского, где помимо трех французских заимствований (*офрандэ, сакрифициу, виктимэ*) существует и славянское заимствование *жертвэ*, то в нем возможны оба вида сочетаемости (*офранда/жертва а фост примитэ, гата де сакрифициу/жертвэ, виктима/жертва агресией*).

Отличия такого рода свидетельствует о том, что способ членения общего семантического континуума и номинации его отрезков зависит от представлений пользующихся данным языком (а эти представления у разных народов различны) и о том, что лексические микросистемы, свойственные одному языку, не совпадают полностью с микросистемами (эквивалентными по лежащему в их основе концепту) других языков. По-разному проявляются в одних и тех же микросистемах такие явления, как омосемия, омонимия, антисемия, энантиосемия и др.

Например, размерность организуется, как правило, обозначением отдельными единицами горизонтальности (длины и ширины) и вертикальности (высоты и глубины). Поэтому лексические единицы, выражающие размеры, образуют обычно систему бинарных оппозиций, пар антисемантов, расположенных на концах соответствующей оси размеров. В русском данная система размерности является полной по всем параметрам (и в плане горизонтальности: *длинный—короткий/широкий—узкий*, и в плане вертикальности: *высокий—низкий/глубокий—мелкий*). В романских же языках в плане вертикальности в системе имеется "пустая клетка" (ср. фр. *long-court/large-étroit*, молд. *лунг—скурт/ларг, лат—стрымт, ынгулт* в плане горизонтальности, но фр. *haut-bas/profond* — \emptyset , молд. *ыналт—жос/адынк* — \emptyset в плане вертикальности). Для заполнения пробела используются перифрастические (синтаксические) антисемичные выражения: *peu profond* или *pas profond* во французском и *нуцин адынк* в молдавском (в последнем используется и предложно-именная конструкция *ын фацэ*, означающая приблизительно 'близкий к поверхности').

Наличие/отсутствие антисемантов наблюдается и в других случаях: русская "полная" система *дорогой—дешевый* отсутствует во французском языке, где *cher* 'дорогой' не имеет соотносительного однословного антисеманта (нужная оппозиция выражается опять-таки синтаксически: *à bon marche, à bon compte, à bon prix, au prix modéré*). В молдавском языке возникла, видимо, под влиянием славянских языков, "полная" антисемическая микросистема из заимствованных в разное время элементов: *скупн* (<слав. СКЖПЬ)—*ефтин* (<н.-греч. *efthinos*).

Примерно таким же образом молдавский язык избежал свойственной ему первоначально энантиосемии "гость/хозяин", сохранившейся до настоящего времени во французском языке, где *hôte* означает одновременно и 'гость', и 'хозяин'. Заимствовав из венгерского *газдэ* 'хозяин дома', молдавский создал антисемическую микросистему *оаспете—газдэ*, аналогичную русской *гость—хозяин*.

Сопоставлением фактов разных языков можно выявить и так называемую скрытую омонимию — ведь если разным значениям многозначного слова одного языка соответствуют совершенно различные, ничего общего не имеющие между собой слова другого языка, то это является верным признаком того, что речь идет не об одном слове, а о разных словах-омонимах (ср. молдавский глагол *а администра*, который имеет в качестве русских эквивалентов, с одной стороны, слово *управлять*, а с другой стороны, слово *подвергать*: *а администра о мошие* 'управлять именем', но *а администра о педяпсэ* 'подвергать наказанию').

Омосемичные единицы тоже, как правило, различны в разных микросистемах (ср. молд. *границэ/хотар/фронтиерэ* при русском *граница* или, наоборот, рус. *родина/отчизна/отечество* при молд. *патрие*), хотя имеются и аналогичные единицы в сходных микросистемах (ср. рус. *тропа/дорожка* и молд. *кэраре/потекэ* или даже рус. *тайна/секрет* и молд. *тайнэ/секрет*).

Соответствие/несоответствие между разноязычными лексическими микросистемами, связанными с тем же концептом, проявляется также в наличии или отсутствии в микросистеме гиперонима, т.е. элемента, называющего родовое понятие (наряду с элементами, обозначающими видовые понятия, — гипонимами). Например, в русском при наличии гипонимов *день—ночь* имеется и гипероним *сутки*, а во французском и молдавском такого однословного гиперонима нет (в них функционируют одни гипонимы *jour—nuit, zi—noapte*). В иных случаях положение в молдавском аналогично положению в русском (например, для гипонимов *ынсурэтоаре—мэритиш* существует гипероним *кээсторие*, как и в русском *женитьба—замужество* при наличии гиперонима *брак*), тогда как французский довольствуется одним-единственным обозначением — гиперонимом *mariage*. Французский не обладает специальным гипонимом в оппозитивной микросистеме *homme—femme*, используя в качестве такого гипероним *homme*, тогда как большинство языков характеризуется здесь полной микросистемой: рус. *человек* для гипонимов *мужчина—женщина*, молд. *ом* для гипонимов *бэрбат—фемее*, нем. *Mensch* для гипонимов *Mann—Weib*, болг. *човек* для гипонимов *мъж—жена*, укр. *людина* для гипонимов *чоловік—жінка* и т.д.

Таблица 1

arbre	дерево	копак пом арборе
bois	дрова полено древесина лес	лемн(е)
forêt		пэдуре

Таблица 2

Лицо	фацэ образ	visage
	персоанэ	personne

Что касается лексических микросистем, состоящих из большего числа элементов, то им свойственны более существенные различия в каждом языке. Поэтому они заслуживают особого изучения именно в сопоставительном плане: полученные таким путем данные представляют интерес как с точки зрения общетипологической, так и с точки зрения индивидуальной специфики каждого языка в отдельности (специфики, которую при раздельном изучении, как правило, трудно выявить).

Здесь хотелось бы отметить, однако, что следует обратить особое внимание на соответствия/несоответствия, которые наблюдаются не только в способе членения семантической структуры лексических микросистем, полей и прочих парадигм, но и в организации семантической структуры отдельных лексем. Показательно в этом отношении, например, сопоставление семантических структур лексических единиц, связанных с понятием "дерево" в русском, молдавском и французском языках (табл. 1).

Не менее интересно сопоставить в тех же языках семантическую структуру лексических единиц, связанных с понятием "лицо" (табл. 2).

Как было сказано, в большинстве случаев семантический континуум, или семантическое пространство, членится в разных языках примерно одинаковым образом. Тем не менее специфические особенности каждого языка проявляются в нескольких аспектах: в способе членения общего семантического пространства, в материале (т.е. в лексической субстанции), в количестве используемых лексических элементов для обозначения полученных отрезков и в их организации на различных участках. Там, где лексика языков отражает объективную организацию действительности, специфики меньше; она появляется там и тогда, где и когда отсутствуют объективные критерии. В этих случаях вступает в свои права специфическое видение мира, которое,

как уже отмечалось, в силу различных традиций у разных народов различно.

Но как общность, так и специфика организации лексики разных языков могут быть выявлены во всей своей полноте, только если лексические факты сопоставляются в системе, ибо, как уже не раз подчеркивалось в работах по методологии науки, системный подход способствует более глубокому проникновению в диалектику современного бытия и познания человека [Кузьмин, 1983]. Такой подход имеет неоспоримые преимущества, поскольку позволяет установить, во-первых, те типические изменения, которым подвергаются родственные или неродственные контактирующие языки, а во-вторых, те случаи воздействия одного языка на другой, которые остаются невыявленными при обычном изучении отношений между языками. С другой стороны, сопоставительное изучение системно организованных участков в лексике разных языков несомненно дает возможность обнаруживать новые сходства и различия между языками и отразить специфику каждого из них в лексикографических трудах, и в первую очередь в переводных словарях.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Кузьмин В. П. Гносеологические проблемы системного знания. М., 1983.
Скаличка В. К. К вопросу о типологии // ВЯ. 1966. N 4.
Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1962. Вып. 2.
Юрик В. А. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках // Учен. зап. Латвийского ун-та им. П. Стучки. Сер. филол. наук. 1958. Т. 25, вып. 3А.
Ducháček O. Le champ de la beauté en français moderne / Opera Universitatis Brunensis. Facultas philosophica. Praha, 1960.
Trier J. Das sprachliche Feld // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. Leipzig; Berlin, 1934. Bd 10.

А. М. Кузнецов

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ В КОНТРАСТИВНОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

Всякое сопоставление двух произвольно выбранных языков в целях научного описания неизбежно заставляет обратиться к процедуре сравнения — процедуре весьма своеобразной и не до конца еще разработанной. Ясно только, что сравнение языков нельзя проводить одновременно по всем языковым фактам, так как специфика каждой из сторон языка требует особого подхода. С этой точки зрения заслуживает внимания давно сложившаяся традиция исследования языков на основе их уровневой стратификации, в рамках которой достигнуты большие результаты: выделены основные строевые единицы каждого уровня, разработаны весьма действенные методики их описа-

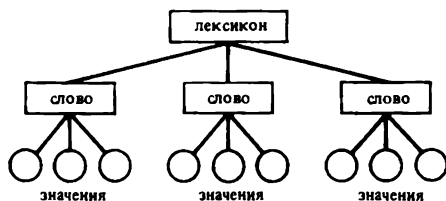

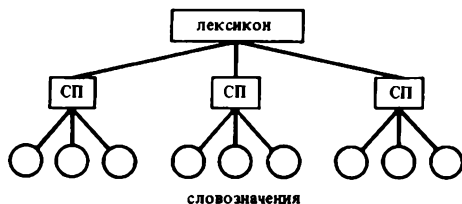
Схема 1

ния, обнаружены различные параметры межуровневых связей. Все это несомненно "облегчает жизнь" исследователю-контрастивисту, который может опереться на этот хорошо отработанный материал или даже выбрать для сравнения готовые уровневые фрагменты из сопоставляемых языков.

"Казалось бы, что наиболее благоприятные обстоятельства могли сложиться для исследований в области лексики, так как в известной мере все составители двуязычных словарей были вынуждены задумываться над сходными и различными оттенками в значениях регистрируемых слов. Однако, как это ни странно, именно в области контрастивной лексикологии крупных достижений в области теории незаметно" [Ярцева, 1981, 11]. Одна из главных причин сложившейся парадоксальной ситуации состоит в том, что мы слишком долго в своих семантических штудиях ориентировались больше на слово, чем на значение, а точнее — на содержание, ограниченное строгими формальными рамками (чаще всего отдельной лексемой), и подвергали сомнению любую смысловую сущность, если не могли найти ей соответствующую единицу самостоятельного эксплицитного выражения. Да и сама принципиальная схема устройства лексического уровня представлялась весьма упрощенно (схема 1).

Между тем содержание в лексике при контрастивном анализе распределяется так, что значение слова исходного языка чаще всего передается несколькими словами другого языка, причем последние используются не в полном объеме, сохраняя некоторое остаточное значение. В процессе поиска соответствия в исходном языке для указанного семантического остатка картина может повториться. В результате последовательного применения подобной "челночной" процедуры, когда исходный и сопоставляемый языки периодически меняются местами, сфера остаточного значения каждый раз постепенно сокращается и вместе с тем выявляется некоторая лексико-семантическая область, которая в целом обнаруживает гораздо большее семантическое подобие в двух языках, чем при сравнении отдельных слов. Наблюдения над такого рода поисками соответствий в двух языках [Шерба, 1974, 354—355] не в последнюю очередь явились основанием для утверждения в семасиологии особого статуса таких образований, как лексико-семантическая парадигма (группа, поле и т.п.).

За счет введения в научный обиход понятия семантического поля (СП) произошло дальнейшее усложнение наших представлений об устройстве лексико-семантического уровня языка (схема 2). При этом ряд "слово" и ряд "значение" предстает как один уровень "слово-

словозначения

Схема 2

значение”, поскольку семантическое поле, как выяснилось, образуется по отдельным значениям многозначных слов или из целых слов, когда они однозначны. Практика показывает, что легче всего искать соответствия (и они действительно чаще всего обнаруживаются) в смысловых блоках, определяемых целым комплексом лексических значений (по одному от каждого многозначного слова), а не в комплексных значениях отдельных лексических единиц, хотя полные совпадения семантики отдельных слов в разных языках тоже возможны. Таким образом, одним из главных параметров сравнения в контрастивной семасиологии становится лексико-семантическая парадигма (семантическое поле, ЛСГ и т.п.).

Поскольку достаточно полное исчисление такого рода лексических образований содержится в идеографических словарях, постольку есть резон при фронтальном развертывании семасиологических контрастивных исследований базироваться именно на словарях подобного типа. Правда, в этом случае придется использовать словари с одинаковой синоптической схемой [Караулов, 1976, 19; Морковкин, 1969, 82—83], что весьма затруднительно, так как в идеографии применяются самые разные и далеко не совпадающие способы систематизации понятийных областей. Самыми подходящими для нашей цели были бы, конечно, двуязычные идеографические словари, но двуязычная идеография еще только намечается. Первым опытом в этой области можно считать экспериментальный “Англо-русский синонимический словарь”, созданный под руководством А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна [АРСС, 1979], в котором, однако, описываемый материал ограничен 400 синонимическими рядами и не охватывает всей лексики. Кроме того, здесь не проводится последовательное систематическое соположение двух языков; фактически предметом описания в нем выступают английские синонимы, толкуемые по-русски.

Исследователи-контрастивисты в своей работе могут использовать материал, представленный в разного рода конкретных семасиологических работах по отдельным лексическим парадигмам, но здесь они непременно заметят значительный разноречивый как в подборе парных языков, так и в тематике самих сравниваемых парадигм. Это обусловлено отсутствием четкой централизованной программы контрастивных исследований, в результате чего одни семантические сферы становятся объектом повышенного внимания семасиологов, тогда как другие оказываются представленными слишком фрагментарно или вовсе отсутствуют. В одном довольно полном обзоре

литературы Ю.Н. Караулов приходит, например, к выводу, что объем и детальность исследований по разделам словаря можно изобразить в виде конуса, «причем максимум, или его вершина, соответствует наиболее изученной части лексики "человек", а боковые углы символизируют уменьшение и числа исследований, и их глубины по мере удаления от центра к периферии» [Караулов, 1976, 55—56]. Отметим, что наблюдение это сделано безотносительно к конкретным языкам, т.е. тематический обзор исследований семантических полей, проведенных на материале самых разных языков, сделан так, как будто объектом описания во всех случаях является только один язык. Ясно, что автор намеренно принимает очень сильное упрощение, которое для контрастивной семасиологии имеет одно важное последствие: выбирая для сравнения готовый материал из одного языка, исследователь неизбежно будет обнаруживать многочисленные лакуны в изучении соответствующей семантической области в других языках. Из этой ситуации могут быть два выхода: или дополнить недостающий материал путем самостоятельного анализа данного семантического поля с учетом основных теоретических и методических установок, уже использованных другим автором при описании лексического материала первого языка, с тем чтобы соблюсти необходимое требование контрастивистики — однородности параллельности сравниваемых описаний, или же, минимально учитывая имеющиеся результаты, заново описывать сравниваемые семантические области на единой и самостоятельно выбираемой методической основе, обеспечивающей сравнимость лексического материала.

И в том, и в другом случаях такой организующей теорией может служить компонентная теория лексического значения, покоящаяся на методе компонентного анализа. Это тем более оправданно, если учесть, что значительная часть уже существующих и создаваемых в настоящее время описаний (как одноязычных, так и сопоставительных) использует компонентный анализ, эксплицитно или имплицитно принимая "семантический компонент" ("сему") в качестве одной из главных строевых единиц лексико-семантического уровня, что соответствует современному представлению об устройстве лексической системы языка (схема 3).

Семантический компонент (сема) вместе с лексической парадигмой (полем) представляет собой один из важных параметров, по которым может проводиться сравнение лексико-семантических систем двух языков¹. Использование в контрастивном анализе полевых структур в сочетании с их компонентным представлением удобно уже в чисто процедурном плане, поскольку само семантическое поле

¹ Определяющий статус семантических компонентов еще не получил всеобщего признания. Так, Ст. Ульман различает только три уровня лексико-семантической структуры: уровень отдельного слова, лексического поля и словаря как целого [Ulmann, 1972]. Не представлены семантические признаки и в уровневой ("этажной") стратификации языка у В.А. Звегинцева, хотя дифференциальные признаки фонем здесь находят вполне эксплицитное выражение [Звегинцев, 1976, 78]. Подобное теоретическое и экспериментальное обоснование структурной значимости семантических признаков см. в работе: [Кузнецов, 1986, 17].

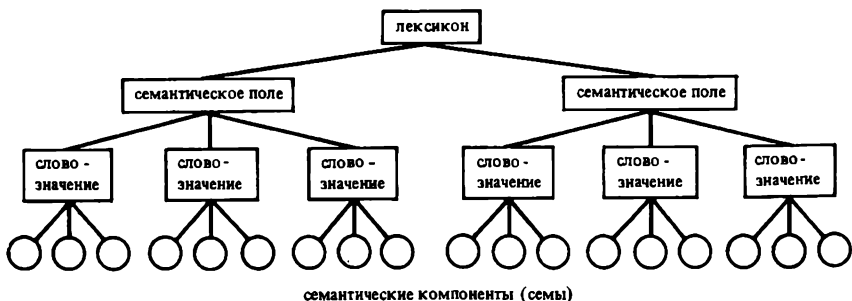

Схема 3

выделяется на основе семантического признака, общего для всех входящих в него лексических единиц. Но дело не только в этом. При интеграции двух семантических подходов исследователь получает более глубокое представление о сравниваемых величинах. Применение компонентного анализа к материалу семантического поля позволяет преодолеть слишком плоскостное представление (идущее еще от Й. Трира) о семантическом (понятийном) поле как о своеобразной лоскутной мозаике. Метафора Трира, носящая некоторый "агрономический" оттенок, приобретает более адекватный, "электрофизический" характер, поскольку: 1) семантические поля не разделяются жесткими преградами и часто взаимодействуют друг с другом; 2) обнаруживают сферы притяжения и отталкивания, обусловленные наличием общих и дифференциальных признаков; 3) в семантическом поле выделяются центральные и периферийные области, при этом центр более консолидирован и воплощает существо всего семантического комплекса; 4) по мере приближения к периферийным областям семантического поля смысловые связи в нем могут значительно ослабляться, образуя зоны семантического "возмущения", в которых отдельные элементы поля либо вовсе отрываются от него, либо становятся принадлежностью сразу двух или нескольких семантических полей.

Иначе говоря, с введением компонентного анализа образ полевой структуры усложняется, обнажаются внутренние механизмы и динамика взаимодействия слов. Совмещение двух подходов полезно и для самого метода компонентного анализа: убеждаясь в значительном количественном и качественном разнообразии семантических микроструктур, исследователь начинает осознавать всю сложность и глубину задачи компонентного описания лексики. Например, стало совершенно очевидным, что с первоначальными надеждами на возможность представления всей семантики словарного состава языка с помощью нескольких сотен (или даже десятков) семантических признаков следует окончательно распрощаться. Но это не значит, что мы должны впасть в другую крайность, бесконечно увеличивая пределы компонентного состава лексической семантики².

² Ср., например, следующее высказывание: "Количество семантических маркеров зависит от требуемой чувствительности, и, поскольку единственным ограничением последней является игра воображения, семантическая структура становится бесструктурной" [Perfetti, 1972, 248].

Опасность подобного направления в компонентной семасиологии обуславливается прежде всего неправильным, слишком широким толкованием сущности лексического значения, включающим не только "ближайшее", но и "дальнейшее" значения (А.А. Потебня), распространяющимся за счет внелингвистического денотативного и конкретно-ситуативного контекстов³.

При здравом подходе к выявлению смысловых элементов (с соответствующей проверкой их системной реальности в языке) последние образуют весьма надежную координатную сетку для сравнения. В этом случае оптимальный путь контрастивного анализа распадается на три этапа: 1) разделение исходного слова на словозначения; 2) двунаправленный (челночный) поиск соответствий значений в двух языках, сопровождающийся выходом за рамки однословных соответствий в лексические микросистемы и, наконец, 3) обмер соответствующих микросистем с помощью семантических признаков. При этом следует учитывать три возможных вида соответствий: 1) для обоих языков может потребоваться одинаковый набор признаков для описания параллельных семантических полей (полное наложение смысловых объемов); 2) существует некоторая базовая признаковая общность, за пределами которой каждый язык добавляет определенное количество несходных признаков (пересекающееся наложение смысловых объемов); 3) семантическое поле в одном языке полностью исчерпывается семантическими признаками другого языка, в котором, однако, имеются дополнительные признаки, оставшиеся "неостребованными" (неполное наложение семантических объемов).

Естественно, что изложенный способ контрастивного анализа лексики предполагает целый ряд других измерений, в результате которых будут выявлены особенности семантических связей слов в языке, формальная и содержательная аналогии лексико-семантических парадигм (особенно в близкородственных языках), зависимости количества и конфигураций семантических признаков от количества и качества компонентной сложности словозначений, составляющих семантическую парадигму.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов С.В. Опыт экспериментального определения значений слов — наименований людей по профессии // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
АРСС, 1979: Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. М., 1979.
Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

³ Приведем только один пример. С.В. Анисимов, основываясь на широком толковании, перечисляет следующий набор "сем", составляющих, по мнению автора, значение слова *студент*: "активный", "веселый", "общительный", "воспитанный", "неглупый", "молодой человек", "учащийся", "читает книги", "слушает лекции" и т.д. [Анисимов, 1982, 64]. Кроме того, что здесь смешаны собственно языковые признаки (ср. толкование данного слова в словаре русского языка С.И. Ожегова: "студент — учащийся высшего учебного заведения") [Ожегов, 1975, 713] и признаки денотативной ситуации, в этом эксперименте допущен совершенно определенный просчет с отбором информантов. В семантическом опросе, по свидетельству самого автора, в качестве испытуемых участвовали студенты, т.е. люди заинтересованные.

- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
Морковкин В. В. Идеографические словари и обучение языку // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. 11-е изд. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1975.
Perfetti Ch. Psychosemantics: Some cognitive aspects of structural meaning // Psychological Bulletin. 1972. Vol. 78.
Ullmann S. Semantics // Current trends in linguistics. The Hague; Paris, 1972. Vol. 9.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
Ярцева В. Н. Контрастная грамматика. М., 1981.

А. А. Брагина

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ

Языковая образность как особая категория и при этом в сопоставительном плане не может не привлечь внимания и привлекает его тем более, чем устойчивее, теснее и разнообразнее языковые контакты. Принято говорить о категории художественного образа в сфере индивидуального творчества, т. е. в художественной литературе, и об образности языка вообще. Попробуем уточнить такое привычное и весьма общее деление.

Образным может быть язык писателя, и образность языка писателя у каждого своя, она индивидуальна. Однако у каждого писателя вовсе не всякий образ свой, неповторимый; как раз образ чаще всего повторим, но дан в своей особой ситуации, в своем индивидуальном употреблении. Так, в рассказе А. П. Чехова "Верочка" противопоставление жизни двух молодых людей строится на основе образов, создаваемых с помощью цепи "повторимых" постоянных и "неповторимых" контекстно-индивидуальных эпитетов *апрельское утро, светлая и чистая комната, роскошные луга, молодые рощи и серый петербургский номер, большие серые дома, бессемейная номерная жизнь*.

Разумеется, соотношение общего и индивидуального в языке полнее всего обнаруживается в тексте художественной литературы. Конечно, каждый языковой стиль, как известно, обладает своими образными средствами, и в то же время в каждом языке есть общеязыковой образный фонд, который обнаруживает себя в разных стилях, жанрах, в индивидуальном творчестве разных писателей.

Для выявления своеобразия образных средств и возможности их сопоставления в разных языках прежде всего необходимо представить подобные языковые ресурсы одного из сопоставляемых языков, наметив, хотя бы в общих чертах, их классификацию. Выделим сначала то, что является безусловно общеязыковым, может быть свойственно речи вообще, то, что фиксируется и толкуется словарями как общеязыковой факт, а затем перейдем к индивидуальному.

1. Интернациональные образы и их функционирование в разных национальных языках, связанных культурно-

исторической общностью. Это очень обширная группа фразеологических выражений, крылатых слов, символических слов и имен. Такой общий пласт образных выражений обусловлен, конечно, общим культурно-историческим развитием тех или иных народов, постоянством контактов их языков.

Словарь Н.С. и М.Г. Ашукиных "Крылатые слова" фиксирует, например, *Посылать от Понтия к Пилату* и истолковывает: "Так говорится о волоките в делах..." — безрезультатное хождение от одного лица к другому. Одно имя *Понтий Пилат* раздваивается. Это основное значение для данного выражения, известного европейским языкам и ставшего давно крылатым и образным. Интернациональный образ может, как видим, оказаться интернациональным только в самом обобщенном сюжетном плане.

2. Национальные фольклорные образы, национальные образы-реалии. В "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля зафиксирован такой ряд образных имен-определений: *царь-птица* 'орел', *царь-зверь* 'лев', *царь-колокол* 'самый большой и красивый колокол', *царь-пушка* 'самая большая, с красивой чеканкой пушка', даже *царь-девица* 'зачинщица всему'. Слово *царь* не согласуется в роде (*царь-пушка, царь-девица*), оно имеет определенное значение 'сильный, могучий, старший, властвующий, сильнейший, отличнейший между своими'. Это слово-образ сохраняется не только в фольклорных текстах, исторических наименованиях (*царь-пушка, царь-колокол*), но обретает новую жизнь. Ср. современный образ *царь-рыбы* у В. Астафьева в одноименной повести (первая публикация в журн. "Наш современник". 1976. N 4, 5, 6) о самой большой рыбе и сильном человеческом характере. Старый образ оказался живучим, но время ставит свои акценты: 'сильный, могучий' и еще 'вольный и прекрасный своей природной естественностью'.

Интересно сопоставление фольклорных образов, связанных с творчеством разных народов. Сопоставим только один фольклорный образ — образ кукушки в русской и немецкой традиции. В словаре В.И. Даля прочтем, что *кукуша, кукушка* — 'зловещий человек' (*куковала бы кукушка на свою голову*), 'пусток, глупок, неуместное слово на ветер, болтовня' и 'беззаботная мать, подкидывающая своих птенцов'. Это последнее осмысление в немецком речевом обиходе складывается в своеобразный образ — подброшенное в чужое гнездо *кукушечье яйцо*. И отсюда возможности таких образных осмыслений, как, например, у Томаса Манна (Лотта в Веймаре): ...die Rolle und der Charakter des Dritten, nämlich, der von außen kommt und in ein gemachtes Nest das Kuckucksei seines Gefühles legt '...размышления о характере и роли того третьего, явившегося извне, чтобы положить в заботливо свитое гнездо кукушечье яйцо' (пер. Наталии Манн). Как видим, в результате переноса акцента с образа беззаботной матери-кукушки на само подкладываемое яйцо возник образ чего-то ненужного, чуждого, разрушительного.

Языковое общение ведет к взаимопроникновению национальных фольклорных образов в чужие для них языки. Отыскиваются эквива-

лентные параллели в фольклоре обоих народов. Но только параллели: сложившиеся национальные традиции и их особенности, подчас весьма существенные, могут развести и удержать на значительной дистанции сходные образы. Ср.: *кукушка* 'беззаботная мать, кладущая яйцо в чужое гнездо' и *кукушечье яйцо* 'нечто чуждое, вторгшееся извне, разрушительное'. Можно сказать, что в первом случае образ строится на потенциальных возможностях, а во втором — на возможном конечном результате с тяжелыми горькими последствиями для хозяев гнезда. Как видим, при сопоставлении языков необходима осведомленность о возможностях истолкования образов в их не общих, а в своих национальных проявлениях.

3. Национальные литературные образы: индивидуальные — крылатые. *Кто раньше сказал "з"* — «так говорится иронически о спорах по ничтожному поводу, подобных спорам Бобчинского и Добчинского в комедии Н.В. Гоголя "Ревизор" (д. 1, явл. 3)» — засвидетельствовал словарь Н.С. и М.Г. Ашукиных "Крылатые слова". Образ, счастливо созданный писателем, оказался общепризнанным, общеупотребительным и общепонятным. Со страниц художественного произведения это выражение, а также имена Бобчинского и Добчинского проникли почти во все стили речи. Достаточно напомнить "эмпириокритического Бобчинского" и "эмпириомонистического Добчинского" из книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Так начинается большая жизнь первоначально индивидуального контекстного образа.

Индивидуальный образ, живущий только в одном контексте, требует к себе не менее пристального внимания и языковой интуиции для понимания. Осмысление или неосмысление образа в процессе коммуникации как раз способно прервать общение и вместо ответной эмоционально повышенной реакции у слушателя или читателя вызвать обратный результат. В одном рассказе С. Баруздина есть образ серой птички — московки: "пепельно-серая птица... Грудка уже другая — не пепел, а дымчато-серое. Серое и вдруг с белым, а голова и шея — черное с белым. Забавная птица". Образ птицы параллелен образу девочки Машки, но понимание всей глубины этого сопоставления невозможно без понимания семантики цветовых определений. Серый цвет перемежается *пепельным, черным, белым*. В русском языке все эти цветовые прилагательные имеют и переносные, нецветовые значения: *серый* 'ничем не примечательный, бесцветный, безликий', *черный* — 'плохой', *белый* — 'ясный, светлый, чистый'. Так создается образ-характер, очень разнообразный, который нельзя обрисовать одной краской.

Определенность, необратимость образа создается на основе такого же необратимого значения слова, отмеченного толковым словарем. Конечно, существует контекстное "заражение" слова; конечно, значение слова проявляется и развивается в контексте. Но "приращенный смысл" слова, взаимосвязь слов (*серый—черный—белый*) и сам словесный образ схватываются, уясняются читателем или слушателем на основе необратимых, зафиксированных словарями, нормативных значений.

Образное слово может в "приращенном смысле" отразить целую эпоху, стать ключевым. Г.О. Винокур приводит пример такого слова: «Роман А.Н. Толстого "Хлеб" — это не просто роман о хлебе в буквальном и будничном значении этого слова, а о крупном героическом событии из истории гражданской войны. Но в то же время это непременно также роман и о хлебе, потому именно в этом образе открывает нам художник то, что увидел в летописи гражданской войны» [Винокур, 1959, 390—391]. Ср. также: Федор Абрамов. Дом (сценография Э. Кочергина), где слово *дом*местило и значение 'родное село, родная земля, Родина, Отечество'. Или название пушкинской поэмы "Медный всадник", которое переводится на французский и английский языки как "Бронзовый всадник". Пушкинский символ в этом переводе обеднен: *медь* в сравнении с *бронзой* — материал более дешевый, менее благородный. Ср. такие русские сочетания, как *медный грош*, *медный лоб*, а в самой поэме синонимический ряд *всадник* — *истукан*. Замена *медный* на *бронзовый* уничтожает те фоновые оттенки значения, которые незримо присутствуют в определении *медный всадник*. Вот почему при переводе подобных ключевых слов возникают особые затруднения: есть слово — прямое соответствие буквальному, будничному значению (ср. "Хлеб" и переводы: англ. "Bread", нем. "Brot", фр. "Le pain"), и нет в его лексическом объеме "приращения смысла", отражающего мир иной действительности, мир реальной жизни другого народа.

Индивидуальное языковое творчество не ограничено стилистически, и его источником могут быть также самые разные стилевые пласты. В словаре В.И. Даля найдем такое выражение с отметкой "просто-речно" и "переносно": *Не жареное не пахнет*, т.е. 'нельзя было знать этого'. А в разговорной речи уже давно возникло противоположное: *Жареным пахнет*, т.е. 'чем-то, что хотели скрыть, что обещает сенсацию'. И вот в передовой газетной статье "Критика в прессе" читаем: Нельзя сбиваться на сенсации, на поиски "жареных фактов" (Правда. 1987. 9 мар.).

На основе нормативного выражения, возникло новое достаточно образное, запоминающееся.

В образных выражениях, трансформирующихся в реальных жизненных условиях того или иного языка, важен не только смысл слов, но и их форма, расположение — порядок следования. Выражения *кадра на кадре не оставил*, т.е. 'разгромил, уничтожил фильм как произведение искусства', *висеть на паутинке* 'оказаться в опасности, под угрозой гибели' понятны по просматривающимся "осколкам" сложившихся в норме фразеологизмов *камя на камне не оставил*, *висеть на волоске*. "Осколки" позволяют восстановить в памяти "структурную модель" фразеологизма и его смысл, а вместе с тем истолковать его новый вариант.

Форма слова предопределяет, так же как и значение слова, возможности образных осмыслений (ср. сочетание *холодная мраморность* (в руках и плечах Кити) из "Анны Карениной" Л.Н. Толстого). В переводах при общем лексическом совпадении наблюдается грамматическое расхождение: нем. *marmorkälte* 'мраморнохолодные', *eine*

marmorne Kälte 'мраморный холод' — 'холод мрамора' или англ. *as of cold marble* 'подобно холоду мрамора', фр. *une fraîcheur marmoréenne* 'свежесть, подобная мрамору'. Буквальный перевод во всех случаях подчеркивает овеществленность сравнения, в то время как в русском словосочетании *холодная мраморность* выделено сравнение с отвлеченно-обобщенным качеством (*мраморность*), нет сравнения с самим холодным камнем — *мрамором*. Этот тонкий оттенок в значении сравнения создается словообразовательными возможностями русского языка (*мрамор-н-ость* — свойство мрамора [см. об этом подробнее: Брагина, 1984, 17—23]).

Подведем некоторые итоги в предлагаемой перекрестно-двойной классификации образов.

1. Устанавливая классификацию образов, выделим их ассоциативную мотивированность: образ обычно предметен, имеет зрительную опору (*кукушка, царь-колокол*) или только словесен, несмотря на некоторую зрительную соотнесенность (*серая птичка — московка, мраморность*).

2. Образы — интернациональные, национальные фольклорные и образы-реалии (как мы их назвали) — требуют экстралингвистического рассмотрения, культурно-исторической осведомленности, образы литературные — знания "вертикального контекста", т.е. литературной осведомленности, определенной начитанности.

3. Образы, возникшие на основе символики (*серый — черный — белый*), заставляют обратить внимание на языковые средства выражения (работа с толковыми словарями, грамматиками). Следовательно, образ необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) экстралингвистическом — лингвистическом, 2) предметном — словесном (собственно лингвистическом — лексико-грамматическом). Чем более образ индивидуален, контекстуален (смысл его не обобщен и не зафиксирован словарями), тем более требуется знаний экстралингвистических и собственно лингвистических. Классификация и анализ разных типов образного выражения позволяют наметить путь в работе над текстом, а затем (как конечный результат) к самостоятельному чтению, умению пользоваться словарями и готовить текст к переводу.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагина А.А. Эстетическая функция предметных слов у Л.Н. Толстого // НДВШ. Филол. науки. 1984. № 2.
- Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СТИЛИСТИКЕ

Подобно тому как стилистика, изучающая закономерности функционирования языковых средств в связи с задачами сообщения, венчает здание лингвистических дисциплин, объединяя и преломляя данные грамматики, лексикологии, фонологии, так и в сопоставительном изучении языка сопоставительная стилистика является как бы завершением контрастивных исследований. Это до некоторой степени подтверждается и самой историей науки: сопоставительные штудии в области грамматики, фонологии, словообразования стали появляться одновременно с разработкой самой грамматики языка, тогда как стилистика как наука оформилась в начале XX в. и только в 1909 г. появился первый опыт сопоставления двух языков в сфере стилистики — "Traité de stylistique française" Ш. Балли, в котором сопоставлялись факты стилистики французского и немецкого языков. Мы не будем описывать здесь историю сопоставительной стилистики, отметим лишь, что в зарубежном языкознании можно выделить три направления в этой дисциплине соответственно основной задаче, которую ставили перед собой авторы:

а) изучение характерологии языка, т.е. выявление его специфических свойств, отличающих его от сопоставляемых с ним языков. Наиболее ярко это проявилось в трудах Балли, как в упомянутой выше книге, так и в его знаменитой работе¹, в которой Балли, сравнивая французский и немецкий языки на семиотическом уровне, пришел к заключению, что французскому языку свойственны статические формы выражения, в частности субстантивный стиль, вместе с тем его отличает "ясность" и в целом это — язык, ориентированный на общение, в большей степени на воздействие на слушающего, чем на выражение настроений говорящего;

б) изучение сопоставительной стилистики в связи с особенностями психологии определенного народа. Поскольку стилистика представляет собой науку об отборе средств выражения среди возможных синонимических средств языка, предполагается, что в этом отборе проявляется психология народа — носителя языка, его система мышления, его взгляд на мир и т.п. вплоть до особенностей психического склада нации. В области исследований французского языка к этому направлению примыкает книга Ф. Штрамайера², который, усматривая в этом языке такие черты, как "реализм", "целеустремленность", объяснял их особенностями, якобы присущими французскому национальному характеру, такими, как "жизненная активность" и т.п.;

в) изучение сопоставительной стилистики как основы для теории перевода и совершенствования преподавания языка. Именно в сфере

¹ Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1932. См. также русский перевод: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

² Strohmeyer F. Der Stil der französische Sprache. Berlin, 1924.

стилистики, в речи, происходит окончательный отбор и реализация языковых средств. Изучение характерных путей этого отбора позволяет вскрыть особенности построения высказывания на сопоставляемых языках, выявить "чувство языка", проявляющееся в этом отборе, и тем самым определить способы организации аутентичного высказывания на данном языке в определенных ситуациях или при переводе³.

Разумеется, сопоставительная стилистика тесно связана с большим кругом лингвистических и нелингвистических дисциплин. Выше говорилось, что она интегрирует сопоставительные исследования, касающиеся отдельных уровней языка. Кроме того, ее связывают с этнопсихологией и этнолингвистикой, с социолингвистикой и страноведением, с историей культуры и литературы. Сопоставительная стилистика, как и стилистика вообще, близко соприкасается с проблематикой языковой коммуникации, и поэтому она непосредственно связывается с теорией речевых актов, с прагматикой языка.

Представляется, однако, что сопоставительная стилистика не должна быть ни частью этнолингвистики, ни частью теории перевода. Она должна конституироваться как самостоятельная отрасль контрастивной лингвистики со своими собственными разделами и задачами.

Так же как и в сфере иных аспектов языка, в сопоставительной стилистике факты могут изучаться в семасиологическом и ономасиологическом аспекте. Это обусловлено тем, что стилистическая категория представляет собой двуплановую сущность, в которой различаются форма и содержание. Поэтому в исследовании фактов стилистики можно идти от формы к содержанию, изучая, как представлена в данном языке по сравнению с другим данная категория, какие формальные признаки она имеет, как часто она представлена в текстах и в каких жанрах текстов, какие дополнительные обертоны она выражает. Но можно идти и обратно — от содержания к форме, выявляя, какими средствами в данном языке выражается та или иная коммуникативная интенция стилистического плана.

Например, лексические архаизмы представлены во всех литературных языках, есть они во французском и русском. Сопоставительный анализ архаизмов обнаружит их большую представленность в русском языке, их специфические структурные особенности, например, использование в них старославянских форм корней и аффиксов и т.п., а также — что стилистически очень важно — различные выполняемые ими функции в речи. Так, в разных языках лексические архаизмы используются для стилистической архаизации, для создания поэтического стиля, иногда в целях иронии и т.п. Выявив стилистические категории плана содержания, мы сможем проследить способы их выражения в ономасиологическом аспекте. Например, сопоставительный

³ Этот аспект сопоставительной стилистики нашел яркое отражение в кн: *Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1958; Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris, 1961.* Они даже имеют соответствующие подзаголовки: "Méthode de traduction" ("Руководство по переводу") и "Etude de traduction" ("Исследование по переводу") соответственно. Работы советских авторов в сфере сопоставительной стилистики, которые становятся все более многочисленными, при-
мыкают к 1-му и 3-му типам исследований.

анализ способов архаизации в двух языках покажет, что если в русском языке она достигается в основном за счет лексических архаизмов и лексической сочетаемости, то во французском языке, ввиду ограниченности круга лексических архаизмов, эта же цель достигается главным образом с помощью грамматических архаизмов (порядок слов, отсутствие артикля и т.п.). Таким образом, можно даже, пожалуй, констатировать, что в двух языках функционально-стилистическое поле архаизации строится вокруг разных центров: в русском языке ядерным элементом поля оказывается лексика, в то время как грамматика отводится на периферию, а во французском, наоборот, ядро этого поля составляет грамматика, а лексика занимает периферийное положение.

Если мы обратимся к созданию торжественно-поэтического стиля (второе назначение архаизмов), то обнаружим, что в русском языке можно выделить торжественно-поэтическую речь как один из функциональных стилей, причем этот стиль имеет позитивные признаки — использование архаизмов и синонимов особого разряда (поэтизмов), тогда как во французском языке торжественно-поэтический стиль не выделяется как особый функциональный стиль, а создание соответствующего эффекта обеспечивается в основном неупотреблением слов со сниженной стилистической характеристикой, ритмичкой фразы и другими средствами. Наконец, третья функция архаизмов — выражение иронии — также образует в языке функциональное стилистическое поле, охватывающее разные способы выражения (интонация, антифраза, особые частицы и др.). Во французском языке основным средством выражения иронии является антифраза с соответствующей интонацией (*C'est du propre; C'est du joli! Charmante soirée!*), в русском относительно шире используются частицы и речевые формулы (*ну и...; ничего себе...; нечего сказать...*), а также диминутивы (*хороший вечерок, нечего сказать*).

Сравнивая синонимы в разных языках, отмечают их структурные особенности (роль аффиксов, этимологических дублетов и других средств в формировании синонимов), их распределение по типам синонимии (идеографические и стилистические синонимы), по функциональным стилям языка. В речи синонимы используются для создания большей точности выражения, для варьирования средств выражения, для эмоционально-экспрессивного воздействия (градация, антонимическое использование синонимов) и др. Сопоставление фактов русского и французского языков показывает, что в русском языке синонимы относительно чаще используются в своей первичной функции — как средство достижения точности выражения, тогда как во французском относительно чаще — в их переносной функции: для варьирования средств выражения при неизменности содержания (при этом происходит нейтрализация значений синонимов в речи), как антонимов для большей экспрессивности и т.п.

В свою очередь, выявленная на основании анализа употребления синонимов функционально-стилистическая категория "варьирование" может стать основой для сопоставительно-стилистического исследования в ономаσιологическом аспекте, что может дать полезные резуль-

таты. Например, изучение закономерностей варьирования средств выражения в тексте показывает, что французский язык, избегая повтора знаменательных слов, охотно допускает повтор местоимений, в то время как русский, наоборот, избегает повтора местоимений, но допускает в большей степени лексический повтор. Таким образом, во французском языке местоименный повтор, а в русском — лексический выступают как частое средство выражения внутритекстовой связи. Кроме того, выявляются и иные функции повтора; например, в русском языке повтор рематического слова (обычно глагола) является типичным способом формирования реплики-реакции (— *Ты это видел?* — *Видел*).

Уже рассмотренные примеры показывают, из каких разделов должна состоять сопоставительная стилистика:

1. Система стилей в сопоставительном плане. В этом разделе выделяются три аспекта:

а) общая система стилей (их инвентарь). Как и в других разделах сопоставительной лингвистики, здесь необходимо различать универсальное и специфическое. Для литературных языков языковой универсалией в сфере стилистики является оппозиция "литературная (публичная)/разговорная речь". В связи с тем, что деятельность человека в целом осуществляется в трех сферах: в повседневной жизни, в общественно-производственной и в сфере художественного творчества, внутри литературной речи различается стиль художественной речи и стиль научно-производственной речи. Трехчастное стилевое деление (повседневная речь — производственная речь — художественная речь) представляет собой универсалию. К этим стилевым разновидностям в разных языках могут добавляться специфические функциональные стили: административный, публицистический, ораторский, поэтический, религиозный и др. с разнообразными жанровыми подразделениями. Мы видели, например, что в русском языке можно выделить особый поэтический стиль (торжественно-поэтический или народно-поэтический), тогда как для французского языка это более проблематично;

б) границы между стилями. Они различны в разных языках. Так, в русском языке различие между научно-техническим стилем и нейтральной речью чувствуется больше, чем во французском. Во французском языковые средства отличаются более ярко выраженной тенденцией к стилевой нейтрализации, чем в русском (например, отмечается, что французский автомобилист может крикнуть пешеходу, медленно переходящему улицу: *Hé, gastéropode!* букв. 'Эй, ты, брюхоногое!', т.е. он употребит научный термин; по-русски в этом случае скажут что-нибудь вроде: *Что ты тащишься, как улитка!*);

в) средства создания специфики того или иного стиля, например научного или публицистического, тех или иных форм и жанров речи, например диалога (ономасиологический аспект).

2. Стилистические функции языковых средств разных уровней. Это — семасиологический план анализа. Выше приводились примеры, касающиеся стилистических функций архаизмов и синонимов. Подобный анализ языковых средств приводит к выявлению системы сти-

листических категорий плана содержания, которые вместе с типичными средствами их выражения образуют функционально-стилистические поля.

3. Анализ стилистических категорий и стилистических процессов в ономаσιологическом плане. Это совпадает с анализом функционально-стилистических полей. Общий инвентарь стилистических категорий и процессов не составлен. Можно, однако, выделить следующие оппозиции: экспрессивность/неэкспрессивность; абстрактность/конкретность (уточнение); субъективация/десубъективация; связанность/расчлененность; динамичность/статичность; нейтральность/специфичность; характер интерперсональных отношений и степень вариантности. Каждая из этих стилистических задач в каждом данном языке достигается определенными средствами. Например, экспрессивность (выразительность, оживление) текста в русском языке осуществляется с помощью приставочных глаголов, тонко дифференцирующих действие в качественно-количественном отношении, суффиксов субъективной оценки, стилистически окрашенных пластов лексики и других средств. Во французском языке "оживление" текста часто достигается грамматическими средствами, например использованием неодушевленных существительных в функции подлежащего при переходном глаголе (эффект так называемого анимизма), а также частыми "полустертыми" метафорами. Разными средствами в этих двух языках выражается динамизм повествования.

Особое значение приобретает изучение способов выражения в разных языках специфичности. На фоне общего нейтрального стиля выделяются специфические языковые явления, свойственные различным социально-профессиональным, территориальным и другим группам: диалектизмы, просторечие, арготизмы, ксенизмы, профессионализмы и др. Все эти специфические модификации языка не образуют прямых межъязыковых соответствий, они национально специфичны; поскольку выделяются на нейтральном фоне данного определенного языка, они всегда ставят сложные проблемы при переводе. Такие явления, как архаизация, фамильяризация, конкретизация, варьирование и т.п., могут рассматриваться как средства стилизации в разных языках, и они различны в зависимости от структуры языка и стилистических традиций.

4. Изучение общих стилистических тенденций языка, не зависящих от функционального стиля и индивидуального стиля того или иного автора. Эти стилистические особенности образуют национальную стилистику языка, которая проявляется прежде всего в закономерностях организации высказывания. В этом аспекте должны изучаться следующие стороны высказывания: а) выбор способов номинации (использование метонимических и метафорических номинаций, гиперонимов и гипонимов, слов различных лексико-грамматических групп; использование слов различных частей речи для обозначения одних и тех же объектов действительности); б) различные способы формирования высказывания в целом (актантные трансформации, диатеза; субъективация высказывания и др.); в) использование прямых и косвенных актов речи; г) модальная, эмоциональная и дискурсивная

рамка высказывания; д) внутритекстовые связи (коррелация, междумязычные "шарниры" и т.п.).

Итак, сопоставительная стилистика предполагает изучение системы стилей в двух языках, стилистических функций аналогичных языковых средств, способов выражения стилистических категорий, общих национальных стилистических особенностей языка, проявляющихся в организации высказывания. Для исследования проблем сопоставительной стилистики в полном объеме необходимо их увязывать с паралингвистикой, этнолингвистикой, вопросами национальной культуры и другими дисциплинами. Следует иметь в виду, однако, что многие национально-стилистические особенности объясняются не особенностями национальной психологии, но в конечном счете особенностями структуры языка.

Н.Г. Михайловская

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ИНТЕРФЕРЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОЙ РЕЧИ БИЛИНГВА

Понятие интерференции является одним из основных при изучении речи на родном языке, т.е. в такой ситуации, когда говорящий наряду с родным языком использует и другой в своей речевой деятельности. Этот факт как лингвистический феномен широко изучается в зарубежной и отечественной лингвистике с разных позиций, под разными углами зрения, в русле ареальных непосредственных и опосредованных языковых контактов, в синхронном и диахроническом аспектах, а также в плане особенностей речи на втором языке, характерных для определенных социальных, профессиональных и возрастных групп.

Во всяком случае интерференция непременно предполагает двуязычие прежде всего как владение двумя языками индивидом или определенным коллективом. Такое проявление двуязычия в известном смысле отграничено от другого — функционирования двух (или более) языков на одной территории, когда население данной территории не обязательно двуязычно (какая-то часть его может владеть одним из двух, трех и более языков, распространенных в этом регионе). Конечно, даже при условии владения человеком одним языком элементы другого языка, который используется в близком этому человеку окружении, усваиваются им. Чаще всего это — лексика, слова другого языка, который данный индивид может не знать и не пользоваться им в своей речевой практике.

Проблема двуязычия со всей ее многоаспектностью и выходами в области педагогики и психологии, философии и социологии, с учетом самых разных "переменных" регионально-географических и историко-традиционных стала сейчас во всех широтах в первую очередь перед лингвистами. Она продиктована практикой языкового строительства в стране, когда наряду с совершенствованием и развитием

национальных языков народов Советского Союза развиваются и совершенствуются функции русского языка как средства межнационального общения. Она теснейшим образом связана с преподаванием русского языка и литературы в национальной школе. Это направление обычно определяется как исследование национально-русского двуязычия.

Термин "интерференция" не всегда понимается однозначно. Так, например, можно встретить такое понимание, когда к интерферентным явлениям относят лексические заимствования, уже освоенные заимствующим языком, однако подобные явления, на наш взгляд, следует рассматривать в русле адаптации иноязычных элементов. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим следующий факт. Обычно принято считать, что чем выше степень адаптации иноязычного заимствования, чем больше воздействие его системы на данный лексический элемент, тем органичнее данный элемент освоен заимствующим языком. Но это, видимо, далеко не бесспорно. Для анализа подобных явлений требуется, конечно, не синхронный подход, а диахронический.

Действительно, если обратимся к тому периоду, когда функции русского языка как языка межнационального общения еще не оформились, но когда тем не менее русские слова усваивались носителями разных языков в России (скажем, в конце XIX — начале XX в. при общении с русской администрацией), то легко убедимся, что эти слова под влиянием национальных языков подвергались значительной трансформации. Между тем исследователи, занимающиеся проблемами развития современных языков народов СССР, единодушно утверждают, что сейчас орфоэпические признаки русских заимствований все больше приближаются к нормам русского языка. Этот факт, несомненно, опровергает тезис о том, что сильное влияние национального языка свидетельствует о высокой степени освоенности иноязычного слова. В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение о том, что процесс лексического заимствования в настоящее время — при его интенсивности и при его разнообразии в разных типах и формах речи — оказывает воздействие на систему заимствующего языка не только в области словарного состава. Этот процесс сказывается и на фонетико-фонологическом уровне, так как именно посредством лексических заимствований нередко усваиваются новые звуки; он сказывается и в области словообразования, давая аналоги для соответствующих образований уже на почве воспринимающего языка; он, несомненно, влияет и на стилистику, так как заимствование вступает в определенное семантико-стилистическое соотношение с исконным словом, близким ему по значению.

Применительно же к общей проблеме интерференции — вне процесса заимствования — лексический уровень наиболее ярко отражает влияние родного языка билингва, его фонетико-фонологических, стилистических, словообразовательных, синтаксических норм, ибо слово является носителем характеристик, присущих всей системе языка и эти характеристики реализуются в речи, в словоупотреблении в широком смысле.

Интерференция изучается прежде всего на уровне речи, на уров-

не порождения высказывания, на уровне реализации тех ресурсов второго языка, которым владеет билингв. И когда мы соотносим те или иные нарушения русских норм с определенным языковым уровнем, мы как бы "вычленяем" их из высказывания, из речевого потока и соотносим их с системой обоих языков; с одной стороны, с системой русского языка (чтобы показать, что именно нарушено), а с другой стороны, с системой родного языка билингва (чтобы показать, чем вызвано нарушение). Таким образом, системы двух языков ставятся в причинно-следственные отношения, в анализе которых лингвист идет от следствия к причине.

Общезвестно, что отклонения от норм русской речи имеют разную степень у носителей одного и того же национального языка. Местожителство, возраст, профессия, образовательный уровень — все эти признаки принимаются во внимание в социолингвистических исследованиях, посвященных национально-русскому двуязычию. Вместе с тем учет этих показателей является весьма существенным в плане критического отношения к понятию национального варианта русского языка, где определение "национальный" выступает как синоним определения "нерусский". Таким образом, используя синонимическую замену, мы получаем сочетание, близкое каламбурному, — "нерусский вариант" русского языка. Понятие "национальный вариант" в некоторых лингвистических работах применяется к модификациям русской речи, звучащей у представителей тех или иных республик, краев и областей. Это понятие подчеркивает общее своеобразие русской речи у носителей конкретного национального языка. Но если принять во внимание тот факт, что и местожителство, и возраст, и профессия, и образовательный уровень влияют на степень интерференции, то следует сделать вывод о том, что "национальный вариант" русского языка не представляет собой нечто единое и цельное; напротив, такая величина включает в себя целый ряд "переменных", где амплитуда колебаний интерференции может быть чрезвычайно широкой. И действительно, работы, где анализируется национально-русское двуязычие у народов Советского Союза, содержат некоторые выводы о степени проявления интерференции независимо от характера влияния родного языка билингва. Эти выводы основываются прежде всего на социологических показателях:

1) степень интерференции родного языка значительно ниже в русской речи городского населения, чем населения сельской местности, что, как известно, связано и с характером труда, и с языковой средой — как правило, в сельской местности население более однородно по национальному составу и трудовая деятельность на селе не всегда требует обращения к средству межнационального общения;

2) бóльшая степень интерференции проявляется у детей дошкольного возраста, которые не посещают детского сада, часто остаются дома на попечении представителей старшего поколения;

3) русская речь студентов национальных вузов и факультетов гуманитарного профиля содержит меньшую степень интерференции, чем русская речь студентов национальных вузов и факультетов технического профиля.

Подобные наблюдения значительно подрывают правомерность понятия национального варианта русского языка как общей категории, постоянной и неизменной; напротив, здесь обнаруживаются некоторые подмножества "вариантов", а сами отклонения от норм русского языка не образуют устойчивой системы. Кроме того, степень интерференции (но, разумеется, не ее "качество", не ее конкретная реализация) может быть представлена в соотношении с типологией микросоциальных общностей, социумов, независимо от принадлежности той или иной социальной или возрастной группы к конкретной нации и народности. Иными словами, вопрос о выявлении степени интерференции по определенной шкале применительно к подобным группам может быть поставлен не только в пределах отдельных национальных общностей, но, так сказать, в межнациональном аспекте: скажем, степень интерференции у школьников средних классов с национальным языком обучения в Грузии, Казахстане, Эстонии и т.д.; степень интерференции у студентов технических вузов различных республик и т.д.

Как особый вопрос изучения интерференции в пределах различных этносоциальных общностей и в одной этносоциальной общности может быть выделен вопрос об исследовании интерференции в русской речи отдельного индивида, одного билингва. Индивид может рассматриваться как типичный представитель определенной микросоциальной среды. Мы говорим о массовом обследовании национально-русского двуязычия. Мы часто делаем выводы, исходя из статистических показателей, за которыми стоят люди. Но если мы имеем в виду интерференцию как явление речи, то не следует забывать о том, что речь индивидуальна и каждый речевой акт в известной мере персонифицирован.

Отсюда представляется возможным в данном случае понятие "индивидуальное" рассматривать не как противопоставленное понятию "массовое", а как понятие, включающее такие признаки и качества, которые свойственны "массовому". Таким образом, "индивидуальное" в плане единичности как бы манифестирует "массовое" в плане множественности. Именно поэтому "индивидуальное" может быть типическим в конкретных социальных условиях.

В русле проблем интерференции как явления речи и как объекта лингвистических исследований встает задача выявления ее типологии с ориентацией на систему русского языка.

Советское языкознание располагает многочисленными работами сравнительно-сопоставительного характера. Основу такого сопоставления составляют структуры конкретного национального языка (или языков одной группы) в соотношении с русским языком. Суммируя многочисленные исследования по проблеме, надо отметить следующее:

1) в подобных работах вопросы интерференции занимают заметное место, правда в одних трудах им отводится большее внимание, а в других — меньше;

2) эти вопросы связываются так или иначе с "типологией" сопоставляемого языкового материала; при этом типология понимается как сходства и расхождения характерных структурных закономер-

ностей, свойственных тем или другим языкам. Тем самым устанавливаются конвергентные и дивергентные структурные закономерности;

3) вопросы интерференции и вопросы типологии структур сопоставляемых языков могут взаимосвязываться в "обратном" порядке. В одном случае авторы идут от интерферентных явлений в том виде, в каком они зафиксированы в речевой деятельности билингва в конкретном коммуникативном акте, — к структурам сопоставляемых языков. В другом случае лингвисты берут за основу структурные особенности языков в качестве конвергентных и дивергентных категорий и, отталкиваясь от этих величин, рассматривают нарушения в русской речи билингвов в соотношении с теми или другими уровнями. Таким образом, в исследованиях по национально-русскому билингвизму дихотомия "язык—речь" представлена и в иной последовательности: "речь—язык".

Обобщение накопленных наблюдений над фактами интерференции приводит к мысли о том, что целый ряд сходных явлений обнаруживается в русской речи у носителей разных языков. Конечно, в первую очередь это явление устанавливается применительно к родственным языкам. Вот некоторые иллюстрации из области орфоэпии. В наиболее близких тюркских языках, азербайджанском и туркменском, а также и в других, относящихся к этой группе, отмечается вставка *j* после мягких согласных типа "сйуда" (сюда), "лйэвый" (левый), "мйод" (мед) и т.д. Эти ошибки зафиксированы в русской речи азербайджанцев, туркмен, казахов, узбеков, киргизов. Смещение *л* твердого и *л'* мягкого типа "палто" (пальто), "сколко" (сколько), "болной" (больной), т.е. отвердение *л* в середине слова и особенно часто в конце слова типа "угол" (уголь), "контрол" (контроль), отмечается не только при узбекско-русском двуязычии, но и при таджикско-русском, т.е. у носителей языка, принадлежащего уже к иранской группе, а также у армян — носителей другого индоевропейского языка. Замещение фонемы /ф/ на /п/ наблюдается в русской речи киргизов, узбеков и бурят, а также у лакцев (носителей одного из языков Дагестана). В целом ряде случаев отмечаются ошибки, связанные с редукцией гласных. Например, в русской речи таджиков звук [о] часто не изменяется в зависимости от позиции, таджики нередко "окают"; это же явление свойственно и русской речи удмуртов — носителей финно-угорского языка пермской группы. Оканье характерно и для русской речи украинцев, но, как правило, в абсолютном начале слова. В то же время русская речь армян, туркмен и в значительной степени грузин отражает "аканье" — произнесение безударного *о* как *а*.

Особенно часты ошибки, связанные с произнесением русского *ы*. Здесь наблюдается интерференция языков различных типологических структур. Смещение *ы/и* фиксируется при азербайджанско-русском, узбекско-русском, таджикско-русском, литовско-русском, бурятско-русском и калмыцко-русском двуязычии.

Сходные нарушения русских норм у носителей разных национальных языков обнаруживаются и в области грамматики. При этом отмечается весьма существенное обстоятельство: нередко морфологичес-

кие категории (например, мена падежей) оказываются теснейшим образом связанными с синтаксическими, так как собственно интерферентные явления, квалифицируемые как явления морфологического уровня, обнаруживаются в пределах определенных словосочетаний. Наиболее наглядно морфологические нарушения проявляются в категории рода. Здесь различаются ошибки двух видов: 1) неправильное отнесение слова к одному из трех родов, 2) неправильное согласование, например: "Я хочу быть учительницей", "Я всегда с папой катаюсь машином" (из речи бурятских школьников); "Она пошла первым", "Рука была весь в рубцах" (из речи башкирских школьников); "Я рисуно барашку" (из речи молдавских школьников); "Обещал зарезать барашку" (из речи лакцев).

Особую трудность для билингвов представляет усвоение видовых форм русского глагола. Аналогичные ошибки можно встретить у носителей тюркских языков, таджикского, молдавского, бурятского и калмыцкого. Часто это выражается в ненормальных суффиксальных образованиях, а нередко и в неправильном использовании приставочных и бесприставочных глаголов, например: "Они сели в лодку иплыли" (вм. *поплыли*, из речи узбеков), "Иногда в небе появились тучи" (вм. *появлялись*, из речи таджиков), "Я начал записать" (вм. *записывать*, из речи молдаван), "Буду лечить людей и сделать операции" (вм. *делать*, из речи бурят). Сходные явления интерференции прослеживаются в русской речи бурят и таджиков при употреблении возвратных глаголов. Носители названных языков могут использовать глагол без частицы *-ся* там, где она нужна, и, наоборот, употребить глагол с этой частицей в том случае, когда норма требует невозвратной формы. Примеры: "Моему отцу посчастливилось встретиться с Куйбышевым", но "Дельфины плавают со скоростью поезда" (из речи таджиков); "Из-под земли пробивают первые цветы — подснежники" (из речи бурят).

Что касается смешения глагольных префиксов, то оно не всегда обусловлено видовой семантикой, такие ошибки могут происходить на уровне словообразования, что уже имеет выход в лексико-семантическую область. Показателен следующий пример: "Я там пережила два года" (вм. *прожила*, из речи узбекской студентки). Близкая интерференция свойственна литовским билингвам: "У них положены хорошие знания" (вм. *заложены*), "Нужно набрать цель уроков" (вм. *выбрать*).

Общепризнано, что основу лексико-семантической интерференции составляет "непропорциональность" словарного состава разных языков при различном соотношении полисемичных и моносемичных лексических единиц. Она определяется также несовпадением семантических объемов слов в языках, различной иерархией их значений и подобными факторами. Нарушения в использовании понятийных близких слов и слов-синонимов достаточно часты. В отношении лексико-семантической интерференции становится актуальной задача определения тех лексических групп и объединений, тех понятийно-тематических разрядов, которые являются наиболее "уязвимыми". Следует подчеркнуть, что проблема интерференции может быть по-

ставлена в разных аспектах, в том числе и в аспекте типологии с ориентацией на систему русского языка. Разумеется, предварительные этапы такой работы предусматривают анализ интерференции у носителей отдельных языков, и только на базе и на основе такого анализа может быть проведен их синтез.

А. Д. Швейцер

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Первые лингвистические модели процесса перевода обычно сводили его к чисто языковой операции нахождения межъязыковых соответствий. В этом отношении характерна разработанная Я.И. Рецкером "теория закономерных соответствий", построенная на регулярных, повторяющихся соотношениях между языком подлинника и языком перевода [Рецкер, 1950]. По мере развития теории перевода становилось ясным, что адекватное описание процесса межъязыковой коммуникации не может оставаться в рамках подобных корреляций и должно учитывать всю сложность и многогранность этого процесса, в котором лингвистическое измерение при всей его важности является отнюдь не единственным. Одним из первых указал на это Ю. Найда, пришедший к выводу о том, что при моделировании перевода "языковой сигнал нельзя рассматривать без учета принципиально важной связи с культурным контекстом в целом" [Nida, 1975, 28].

Мысль о необходимости адаптации исходного текста не только к языковым нормам языка перевода, но и к нормам другой культуры лежит в основе разработанной в свое время Ю. Найдой и Ч. Табером модели "динамической эквивалентности" [Nida, Taber, 1969], согласно которой, выступая в первичном коммуникативном акте в качестве получателя исходного текста, переводчик затем создает на его основе вторичный текст, воспринимаемый иноязычным получателем примерно так же, как исходный текст — его получателем [подробнее см.: Швейцер, 1973, 74—75].

Думается, однако, что модель процесса перевода, претендующая на отражение его многомерности, должна включать еще ряд компонентов помимо указанных выше. Прежде всего, она должна отражать тесную взаимосвязь двух основополагающих корреляций: 1) исходного языка и языка перевода и 2) исходной культуры и культуры получателя перевода. Кроме того, она должна включать и принципиально важное для перевода ситуативное измерение, охватывающее, с одной стороны, предметную ситуацию, находящую свое отражение в исходном и конечном текстах, а с другой — коммуникативную ситуацию, т.е. ситуацию порождения исходного текста и ситуацию восприятия его иноязычного эквивалента.

В переводоведческой литературе отмечалась та детерминирующая

роль, которую играет в переводческих операциях соотношение систем, норм и узусов двух языков. Об этом, в частности, писал Э. Косериу, по мнению которого соотношение норм и узусов является наиболее существенным для теории перевода [Cosegiu, 1981]. Роль языка как первичной моделирующей системы в процессе перевода едва ли подлежит сомнению, однако при этом следует учитывать, что эта роль имеет и свои пределы. Согласно удачной формулировке югославского лингвиста В. Ивира, "в целом можно сказать, что лингвистический компонент перевода является центральным в том смысле, что он управляет процессом перевода во всех случаях, когда не вступает в противоречие с требованиями других компонентов" [Ivir, 1981, 217]. Яркой иллюстрацией этого положения служит приводимый Я.И. Рецкером пример из пьесы Дж. Голсуорси "Правосудие": служащий фирмы подделал чек, исправив цифру nine в ninety. Перевод, основанный лишь на языковом компоненте, оказывается в данном случае обреченным на неудачу: в русском тексте *девять* нельзя заменить на *девяносто*. Поэтому переводчик трансформирует *восемь* в *восемьдесят*. Таким образом, учет предметной ситуации ведет к отказу от наиболее "очевидного" словарного эквивалента [Рецкер, 1974, 53].

К числу вторичных моделирующих систем относятся системы вступающих в соприкосновение друг с другом культур. Столкновение культуры отправителя и культуры принимающей среды является наиболее заметным парадоксом процесса перевода. Как справедливо отмечает А. Попович, порой оно сказывается на конечном результате процесса перевода, приводя к тому, что в семиотике называется креолизацией текстов [Попович, 1980, 130—132]. Примером такого текста может служить принадлежащий перу М. Михайлова перевод известной баллады Бернса "Джон Ячменное Зерно":

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise.
For if you do but taste his blood,
'Twill make your courage rise.
'Twill make a man forget his woe;
'Twill heighten all his joy;
'Twill make a widow's heart to sing,
Tho' the tear were in her eye.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя —
Услада для сердец.
Как раз заснет змея-печаль,
Все будет трын-трава.
Отрет слезу свою бедняк,
Пойдет плясать вдова.

В этом переводе "победителем" из столкновения двух культур явно выходит культура принимающей среды. Об этом свидетельствуют такие элементы русификации, как, например, *чудо-молодец*, *трын-трава*, *змея-печаль*.

Креолизация текста в художественном переводе находит свое проявление и во взаимодействии двух литературных традиций — оригинала и перевода. Ср. приводимый К.И. Чуковским пример перехода такого взаимодействия в противоборство в одном из переводов "Плача Ярославны" из "Слова о полку Игореве":

Не в роще горлица воркует,
Своим покинута дружком,
Княгиня юная горюет
О князе Игоре своем...

Ах я вспорхну и вдоль Дуная
Стрелой пернатой полечу...

Перед нами перевод, рожденный эпохой романтизма. Приведенный выше отрывок напоминает, по меткому выражению К.И. Чуковского, "чувствительный романс для клавесина" [Чуковский, 1936, 110—111].

Вопрос о языковых и внеязыковых аспектах перевода тесно связан с соотношением эксплицитных и имплицитных способов отражения внеязыковой действительности в тексте оригинала и в тексте перевода. Поскольку далеко не вся информация об экстралингвистической ситуации передается языковыми знаками, фоновые знания переводчика, его знакомство с описываемой в тексте ситуацией являются неотъемлемой частью переводческой компетенции. Особенно возрастает роль пресуппозиций в тех случаях, когда текст не поддается однозначной интерпретации и переводческое решение опирается на фоновые знания и жизненный опыт переводчика. Анализ перевода нередко свидетельствует о том, что в основе неверных пресуппозиций, ведущих к смысловым искажениям, лежит дефицит фоновых знаний, например:

Lady Utterword. Who told you I was here?

Randall. Hastings. You had just left when I called on you at Claridge's; so I followed you down here. —

Леди Эттеруорд. Кто вам сказал, что я здесь?

Рэнделл. Гастингс. Я был у Клариджей и узнал, что вы только что уехали.

В переводе явно прослеживается пресуппозиция, согласно которой у леди Эттеруорд есть друзья — некие Клариджи, у которых Рэнделл думал ее встретить. На самом же деле в приведенном отрывке из пьесы Бернарда Шоу "Дом, где разбиваются сердца" — это название фешенебельного отеля в Лондоне, где останавливалась леди Эттеруорд. Причина смысловой ошибки кроется в данном случае не только в дефиците фоновых знаний, но и в недостаточном внимании к языковым маркерам. В самом деле, если бы речь шла о Клариджах, знакомой семье, то по-английски было бы сказано *at the Claridges*, а не *at Claridge's*.

В других случаях залогом правильной интерпретации внеязыковой ситуации является элементарный жизненный опыт и здравый смысл: *Like most young Frenchmen of his generation, he was athletic (Maugham) 'Подобно большинству французов своего поколения, он увлекался спортом'*. Слово *athletic* не поддается однозначной интерпретации. Оно может означать как 'мускулистый, атлетического телосложения', так и 'физически активный'. Пресуппозиция, согласно которой большинство французов — сверстников героя рассказа Моза — атлетического телосложения, явно противоречит элементарному здравому смыслу. Отсюда интерпретация *athletic* как 'физически активный, увлекающийся спортом'.

При решении проблем, связанных с коммуникативной ситуацией перевода, на первый план выступает установка текста на иноязычного получателя, на иную культурную среду и иной объем фоновых знаний. Сложность задачи, которую решает при этом переводчик,

обусловлена установкой исходного текста и перевода на разных получателей. Отсюда возникает необходимость преодоления временной и культурной дистанций, разделяющих участников первичной и вторичной коммуникативных ситуаций.

В теории перевода существуют различные мнения относительно возможности и целесообразности передачи исторического колорита оригинала. Характерно в этом отношении следующее высказывание известного специалиста в области художественного перевода В. Россельса: "Где взять тот язык, на который следует переводить сегодня прозу Флобера, отдаленную от нас не только различием языков, но и столетием, чтобы сохранить и всю неповторимость авторского стиля, и самую дистанцию времени, отделяющую нас от великого французского реалиста?" [Россельс, 1967, 28].

Способы преодоления дистанции времени варьируются в зависимости от установок той или иной переводческой школы. Одним из них является, согласно наблюдениям В. Россельса, выбор в качестве ориентира того или иного произведения отечественной литературы, также отдаленного от нас временной дистанцией. Таким ориентиром для переводчиков зарубежной литературы начиная с середины прошлого века и вплоть до раннего европейского Возрождения нередко служит русская проза от Карамзина до Пушкина. Ср., например, следующий отрывок из "Эвфюса" в переводе Б. Ярхо: "Я любил вас долго, и вот, наконец, вынужден разлучиться с вами, чье жестокосердие не припишу я недостатку вежества, но одному токмо злосчастию. С меня же довольно того, что умираю в верности, хотя не мог жить в милости, и не сильнее жаждал я начала своей любви, чем ныне жажду конца своей жизни". В этом отрывке ощущение временной дистанции достигается путем архаизации текста. Однако другие переводчики, к числу которых относится и сам В. Россельс, считают, что ориентация на русскую классику при переводе зарубежной классической литературы может повлечь за собой русификацию подлинника: «...ведь при малейшем, так сказать, „пережиме“ Мопассан может в целом оказаться русской вариацией Чехова, шиллеровский Фердинанд заговорит, как Арбенин, а Мольер и впрямь обернется французским Грибоедовым» [там же, 29].

Другой важной задачей, связанной с учетом внеязыковых аспектов перевода, является преодоление культурной дистанции между оригиналом и переводом, или, иными словами, передача национального колорита. При этом стратегия перевода заключается в стремлении избегать крайностей в ориентации на нормы исходной культуры или культуры принимающей среды. Здесь наблюдается известная аналогия по отношению к стратегии перевода в связи с передачей исторического колорита. Последняя, как известно, строится на стремлении избегать чрезмерной архаизации или, напротив, модернизации текста. То же самое относится и к преодолению "культурного барьера". Такие крайности, как перенасыщение текста экзотизмами исходной культуры, с одной стороны, и чрезмерная его адаптация к нормам культуры, воспринимающей перевод среды — с другой, в равной мере противопоказаны переводу.

В свое время, подвергая критике буквалистские переводы Дикенса за педантичное воспроизведение "экзотического реквизита", И.А. Кашкин писал: «Переводчик скрупулезно прослеживает казуистику судебной процедуры и сложную иерархию пунктуально дифференцированных судебных должностей, согласно „конвенциональным нормам и номенклатуре английской юриспруденции», как: бенчеры, аттерни, барристеры, солиситоры, сардженты, плидеры, прокторы, скривенеры и прочие английские крючкотворы, которым доверяется защита местного колорита» [Кашкин, 1977, 381]. Столь же неприемлема и обратная тенденция, связанная с подменой реалий исходной культуры реалиями культуры реципиента. Ср., например, перевод названия чеховского рассказа "Свирель" на болгарский язык как "Кавал" (болгарский народный инструмент)[Влахов, Флорин, 1986, 131].

Многочисленные языковые и внеязыковые детерминанты перевода порой усиливают друг друга, но нередко, и действуют в противоположном направлении. При этом ориентация на один из них не всегда совместима с ориентацией на другой, что находит свое выражение в так называемых парадоксах перевода [Savoury, 1968]. Например, установка на дословную точность перевода не всегда совместима с установкой на смысловую точность. Так, в дословно точном переводе М. Морозова фраза из «Отелло» "The object poisons sight" передана как "Вид этого отравляет зрение". Думается, что с точки зрения передачи смыслового содержания фразы более адекватен пастернаковский перевод: "Силы нет смотреть..."

Трудно найти однозначное решение и другого парадокса, согласного которому перевод должен одновременно отражать стиль оригинала и индивидуальную стилистическую манеру переводчика. Вспомним мудрые слова К. Чуковского, сказанные по поводу перевода: "Во всяком мастерстве неминуемо отражается мастер" [Чуковский, 1936, 41]. Особенно ярко творческая индивидуальность переводчика проявляется в поэтическом переводе. Ср., например, следующие переводы из Бернса двух прославленных мастеров — Э. Багрицкого и С. Маршака:

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!
Погибни, Джон, в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна,
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

пер. Э. Багрицкого

Трех королев разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.
Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой
Не вышел из земли.

пер. С. Маршака

В этих переводах легко узнается творческий почерк обоих поэтов. Как справедливо отмечает Ю.Д. Левин, верный своему поэтическому темпераменту, Маршак «нередко как бы „высветляет” то, что у Бернса выражено туманно» [Левин, 1982, 556]. Последнее относится и к приведенному выше отрывку. У Бернса, например, не сказано, почему короли решили погубить Джона. Маршак объясняет: “трех королей разгневал он”. Индивидуальная манера Багрицкого прослеживается в его стремлении романтизировать Бернса.

Противоречат друг другу и такие переводческие каноны, как 1) правило, запрещающее любые добавления и опущения, и 2) правило, допускающее их. Первое правило продиктовано стремлением ограничить переводческий произвол, а второе исходит из того, что, как писал И. Левый, у читателя перевода иной ценз знаний и эстетического опыта, чем у читателя оригинала [Левый, 1974, 93]. Ср. следующий пример из лермонтовского “Героя нашего времени”: “Мало ли людей, начиная жизнь, думает кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?” Поскольку английскому читателю едва ли известно, что титулярный советник — невысокий чин в чиновничьей иерархии, переводчик вынужден использовать пояснительную трансформацию; “Are there not many who begin life by aspiring to end it like Alexander the Great or Lord Byron and remain petty civil servants all their lives?”

Отсюда возникает вопрос об общем характере связей между языковыми и внеязыковыми детерминантами процесса перевода и теми решениями, которые принимает переводчик. В предложенной И. Левым семиотической модели перевода процесс перевода уподоблялся решениям игрока и изображался в виде дерева альтернатив [Levy, 1967]. Если понятие “правила игры” и применимо в известной мере к переводу, то необходимо иметь в виду, что речь идет о “четко определенных правилах” [Hockett, 1970, 44—55], т.е. о правилах с неопределенным числом возможных исходов из каждого состояния. Причиной этого является сложность и противоречивость стоящей перед переводчиком задачи, отсутствие четких граней допустимого в процессе перевода.

Стратегия перевода представляет собой серию выборов. Прежде всего, предпочтение может быть отдано текстуально точному, приближающемуся к дословному переводу или, напротив, переводу, смело отходящему от формальной и смысловой структуры оригинала, приближающемуся к вольному. Решающую роль в этом выборе может играть жанр переводимого текста. Ср., например, перевод официально-делового текста и научно-технический перевод. Определенное влияние на выбор стратегии перевода может оказать и характерная для того или иного исторического периода социальная норма перевода. Известно, что переводы Библии на европейские языки в эпоху средневековья, а также средневековые переводы античных авторов (например, Аристотеля) характеризовались сознательной установкой на дословность. Установкой на вольный перевод, ориентированный на нормы воспринимающей культуры, ознаменовалась эпоха классицизма.

Одним из существенных элементов стратегии перевода является выбор тех аспектов оригинала, которые в первую очередь подлежат отражению в переводе. Дело в том, что в художественном переводе, и в особенности в переводе поэтическом, некоторые потери порой неизбежны. Принимая решение о том, чем можно пожертвовать и что должно быть сохранено любой ценой, переводчик обычно исходит из определенной шкалы приоритетов.

Предлагаемая нами модель процесса перевода включает, таким образом, ряд взаимосвязанных фильтров (селекторов), формирующих оптимальный вариант перевода. Точкой приложения языковых и внеязыковых детерминантов перевода является текст, выступающий в двух ипостасях — исходный текст в первичной коммуникативной ситуации и конечный текст во вторичной. Система языка, языковая норма, узус, литературная традиция, культурно-этническая дистанция, дистанция времени, коммуникативная и предметная ситуация — таков набор фильтров (селекторов), участвующих в формировании исходного и конечного текстов. Текст выступает при этом как в пассивной, так и в активной роли. С одной стороны, он является объектом воздействия элементов коммуникативной ситуации (коммуникативных интенций исходного отправителя и переводчика, установки последнего на получателя конечного текста), а с другой — активным фактором, воздействующим на первичную и вторичную ситуации. Некоторые детерминанты процесса перевода непосредственно связаны друг с другом (например, система языка, его узус и норма). Остальные обнаруживают опосредованные связи (через текст). К ним относятся временная и культурная дистанции, с одной стороны, и коммуникативная ситуация — с другой.

Было бы неверно полагать, что все перечисленные выше факторы получают эксплицитное выражение в тексте. Многие из них остаются как бы "за кадром". Отсюда та важная роль, которая отводится в переводе пресуппозициям и импликациям, в конечном счете выводящимся из текста с помощью фоновых знаний интерпретатора. Именно текст служит связующим звеном между языковыми и внеязыковыми факторами, детерминирующими перевод.

ЛИТЕРАТУРА

- Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. 2-е изд. М., 1986.
Кашкин И. Для читателя-современника: статьи и исследования. М., 1977.
Левин Ю.Д. Бернс на русском языке / Роберт Бернс. Стихотворения. М., 1982.
Левый И. Искусство перевода. М., 1974.
Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Теория и методика учебного перевода. М., 1950.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
Россельс Вл. Заботы переводчика классики / Тетради переводчика. М., 1967. Вып. 4.
Чуковский К.И. Искусство перевода. М.; Л., 1936.
Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
Coseriu E. Kontrastive Linguistik und Übersetzungstheorie // Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. München, 1981.
Hockett C. The state of the art. The Hague, 1970.

- Ivir V.* The communicative model of translation in relation to contrastive analysis /Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. München, 1981.
- Levy I.* Translation as a decision process /To honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. Vol. II.
- Nida E.A.* Language structure and translation: Essays. Stanford, 1975.
- Nida E.A., Taber C.* The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
- Savory T.* The art of translation. Boston, 1968.

Г.В. Чернов

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА КАК ВИДА КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Предлагаемые в статье соображения излагаются в рамках так называемой специальной теории перевода (в отличие от общей теории перевода): теории синхронного перевода (далее СП) как вида двуязычной коммуникативно-речевой деятельности, осуществляемой в экстремальных условиях — мощных физических, психологических и семантических "помех", острого дефицита времени и внешнего контроля за темпами протекания деятельности [Чернов, 1984].

В этих условиях речемыслительные процессы не могут протекать обычным образом. Становится очевидным, что есть какие-то механизмы, либо вообще свойственные психической деятельности человека, которые мобилизуются в синхронном переводе, либо возникающие заново для обеспечения этой необычной деятельности, при которой, как это ни парадоксально, происходит невозможное в принципе совмещение во времени слушания и говорения.

Экстремальные условия речемыслительной деятельности в процессе синхронного перевода и реальное существование синхронного перевода (восприятие и понимание сообщения на иностранном языке (ИЯ) с одновременным порождением на языке перевода (ПЯ) сообщения того же семантико-смыслового содержания) вынуждают постулировать некоторые речемыслительные механизмы, которые способны обеспечить деятельность синхронного перевода. В качестве такого механизма, как было показано в работах И.А. Зимней и Г.В. Чернова, выступает механизм вероятностного прогнозирования вербального и смыслового развития развивающегося во времени сообщения на ИЯ и упреждающего синтеза порождаемого сообщения на ПЯ [Зимняя, Чернов, 1973; Чернов, 1978; 1984; Зимняя, 1974; 1976; 1985].

Понятие вероятностного прогнозирования основано на фундаментальном методологическом понятии опережающего отражения действительности, событий внешнего мира в живом организме, которое рассматривается как "основная форма приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира, в котором последовательность и повторяемость являются основными временными параметрами" [Анохин, 1978, 18].

Суть идеи вероятностного прогнозирования в синхронном пере-

воде сводится к тому, что в процессе слухового восприятия речи у переводчика путем подсознательной субъективной оценки вероятностей дальнейшего развития данной смысловой или вербальной ситуации возникают гипотезы о том или ином смысловом/вербальном развитии либо завершении намерений автора, выраженных в речевом сообщении. В ходе дальнейших процессов переводчик подтверждает или отклоняет свои гипотезы, ориентируясь на критические точки продолжающего поступать речевого сообщения одновременно на ряде уровней. Вероятностное прогнозирование определяется как "предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации" [Фейгенберг, Журавлев, 1977, 3].

Вероятностное прогнозирование, как механизм, лежащий в основе процесса восприятия речи на ИЯ синхронистом, является многоуровневым, иерархически организованным [Чернов, 1984], в котором условными вероятностями связываются единицы каждого уровня; на уровнях слога — слова — синтагмы — высказывания — связного сообщения, а также на уровне коммуникативной ситуации. Как было показано в литературе [Пиотровский, 1975; Яглом, Яглом, 1973], чем выше избыточность сообщения, тем выше вероятность правильного предсказания его развития на каждом из выделенных уровней. Верно и обратное: чем меньше избыточность, чем больше плотность информации в сообщении, тем ниже вероятность правильного предсказания его развития. Действие механизма вероятностного прогнозирования на ряде уровней было показано автором в ходе экспериментального исследования [Чернов, 1978].

Избыточность речи, которая обеспечивает принципиальную возможность вероятностного прогнозирования в синхронном переводе, прослеживается на всех указанных выше речевых уровнях. Значительной избыточностью обладает звуковая материя языка. И хотя пофоновое распознавание речи возможно, реальное опознавание начинается со слога [Чистович и др., 1965; Жинкин, 1967; Miller, 1981], а многие согласные распознаются только в составе слога на участке перехода от предшествующей к последующей гласной [Чистович и др., 1965; Miller, 1981; Massaro, 1975].

На каждом последующем уровне избыточность нарастает за счет установления все большего числа взаимосвязей компонентов сообщения. Если на низших уровнях это — избыточность звуковой материи языка, то с уровня синтагмы все большую роль в ее создании начинает играть смысловая сторона сообщения, повторяемость и взаимосвязь его смысловых компонентов. Именно поэтому в исследовании синхронного перевода методами психолингвистики столь значительное место занимает анализ семантико-смысловой структуры переводимого устного сообщения, а также речемыслительных механизмов переработки смысловой информации. Это предполагает необходимость выяснения того, что такое смысл.

При предлагаемом подходе смысл рассматривается как некоторое недискретное психическое представление, которое является результатом взаимодействия в речемыслительных процессах контекстуальной

семантики речевых лингвистических единиц с запасом фоновых знаний слушающего и осознанием им особенностей ситуации общения (коммуникативной ситуации).

Если проводить различие между лингвистическим значением и экстралингвистическим смыслом и, далее, если понимать смысл как такое экстралингвистическое явление, которое образуется в результате взаимодействия значения в контексте, фоновых знаний индивида и его знакомства с коммуникативной ситуацией, то мы вправе выдвинуть понятие субъективной смысловой избыточности (в отличие от объективной семантической избыточности связного сообщения), которая образуется в процессе восприятия и понимания сообщения индивидом. Смысловая избыточность является субъективной как бы по определению, в силу того что фоновые знания и знакомство с ситуацией общения (как, впрочем, и уровень практического владения иностранным языком) — это особенность отдельного индивида.

Вот почему для анализа процессов синхронного перевода столь важной становится проблема соотношения имплицитного и эксплицитного во взаимодействующей паре языков, как и вопрос о видах и типах импликаций или смыслового вывода, который делается в ходе восприятия и понимания речевого сообщения и который по сути и представляет собой собственно процесс понимания речевого сообщения.

Часто распространено мнение о том, что проблема выражения на ПЯ является проблемой номер один в переводе: по сути многие наши работы по теории перевода строятся на анализе того, как передается на ПЯ то или иное содержание, а зачастую даже не содержание, а средство или даже форма выражения. Вопреки этому для синхронного перевода проблема понимания является определяющим и решающим этапом, естественно при условии достаточного владения языком, на который осуществляется перевод. Именно на этапе понимания сосредоточивается большая часть фильтров [Швейцер, 1973], которые определяют выбор допустимого варианта соответствия на ПЯ.

Вопрос о восприятии речевого сообщения в процессе синхронного перевода ставит ряд интереснейших проблем, связанных с экспериментальным выявлением лингвистических компонентов, которые могли бы рассматриваться как информативные пики. Уместно вспомнить об особом нейрофизиологическом механизме мозга, который обеспечивает восприятие по точкам изменения меры информативности, ср. закономерности зрительного восприятия фигур по точкам максимальной кривизны, и тот факт, что зрительное восприятие вообще связано, по-видимому, с восприятием прежде всего движущихся предметов (ср. устройство зрительного аппарата лягушки) или с необходимостью саккадических движений глазного яблока у человека для распознавания неподвижных предметов [Нотон, Старк, 1974; Линдсей, Норман, 1974; Величковский, 1982].

Можно полагать, что этой же закономерности подчинено и смысловое восприятие речи человеком. В обычных условиях внимание человека должно быть обращено на те компоненты семантико-смысло-

вого содержания сообщения, которые означали бы его развитие, появление новой информации, т.е. на рематический компонент, на актуализатор высказывания. Об этом, в сущности, говорил Н.И. Жинкин, когда писал: "Мера изменения информации в двух сочетающихся словах является минимальной единицей смысла" [Жинкин, 1970, 77]. Экспериментальная проверка этой гипотезы позволила бы сделать существенные шаги в исследовании и познании не только процессов перевода, но и закономерностей речевой коммуникации вообще. С этим же связано и исследование проблем речевой компрессии, ее видов, решение вопросов о том, какие составляющие семантико-смысловой структуры поддаются компрессии и после каких допустимых пределов перевод прекращает быть переводом и превращается в реферативное (или иное сокращенное) изложение.

Анализ семантико-смысловой структуры сообщения на ИЯ и ПЯ в свете высказанных нами ранее [Чернов, 1978] соображений о возможности достаточно четкого выделения таких ее субструктур (семантических компонентов), как референтная, оценочная, дейктическая, модально-фактивная и прагматическая, требует дополнительных исследований на материалах достаточного объема. Не менее интересно и изучение характера взаимодействия компонентов семантико-смысловой структуры сообщения, их вхождения в тематическую прогрессию, в тему всего сообщения, или же в рематические части высказывания. Огромное значение имело бы выявление закономерностей соотношения актуализатора, актуализируемой и актуализированной субструктур развивающегося во времени сообщения. Так как в экстремальных условиях СП можно наблюдать раздельное восприятие перечисленных выше субструктур, их исследование может открыть путь к разработке практически доступных схем массированного семантико-смыслового анализа сообщений, без чего оказывается крайне затруднительно развивать работу по автоматическому контролю полноты смыслового содержания СП с помощью критерия относительной гезитационности речи [Чернов, 1973].

Задача выявления семантической структуры связного сообщения как проблема структурно-семантического анализа текста является одной из центральных в лингвистике текста. Параллельное решение ее психолингвистическими методами несомненно поможет получить новые данные.

Анализ сравнительного влияния характера передач темы и ремы в последовательных высказываниях текста (устного сообщения) было бы весьма интересно связать с анализом качественных и количественных характеристик информационных потерь (точнее, потерь в уровнях избыточности) при порождении синхронным переводчиком сообщения на ПЯ. Это особенно важно для разработки специальной методики подготовки синхрониста к работе в роли переводчика с иностранного языка на родной русский язык в условиях Советского Союза (при том, что порождаемое им сообщение используется не только аудиторией слушателей, но и другими переводчиками, переводящими этот так называемый осевой перевод на другие рабочие языки международной конференции, — обычная схема организации

СП в Советском Союзе и социалистических странах, достоинства и недостатки которой в свое время подверглись довольно подробному обсуждению [Швейцер, 1967].

Большой теоретический и практический интерес (для подготовки синхронных переводчиков различных языковых комбинаций) представляет изучение проблемы сохранения тема-рематических отношений высказываний ИЯ в сообщениях на ПЯ и характера синтаксических перестроек без изменения порядка следования смысловых групп (синтагм) (этим постановка вопроса о порядке слов в СП коренным образом отличается от аналогичной проблемы для письменного перевода) при взаимодействии в СП различных пар языков.

Мы перечислили лишь некоторые из проблем, актуальность исследования которых, по нашему мнению, подчеркивается специальной теорией синхронного перевода, и особенно вероятностно-прогностической моделью СП. Остается указать, что специальные психолингвистические подходы к синхронному переводу как особому виду коммуникативно-речевой деятельности не мешают видеть как черты общности, так и черты различия между контрастивной лингвистикой и теорией перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Жинкин Н.И.* Внутренние коды языка и внешние коды речи // To honor Roman Jakobson. The Hague; Paris: Mouton, 1967.
- Жинкин Н.И.* Грамматика и смысл // Язык и человек. Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- Зимняя И.А.* Опережающее отражение в речевом поведении // Иностр. языки в высш. шк. М.: Высш. шк., 1974. Вып. 8.
- Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976.
- Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985.
- Зимняя И.А., Чернов Г.В.* Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М., 1973.
- Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека: (Введение в психологию). М.: Мир, 1974.
- Нотон Д., Старк Л.* Движение глаз и зрительное восприятие // Восприятие: Механизмы и модели. М.: Мир, 1974.
- Пиотровский Р.Г.* Текст, машина, человек. Л.: Наука, 1975.
- Фейгенберг И.М., Журавлев Г.В.* О вероятностном прогнозировании // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977.
- Чернов Г.В.* К построению психолингвистической модели синхронного перевода // Linguistische Arbeitsberichte. Leipzig, 1973. 7.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978.
- Чернов Г.В.* Психолингвистические основы синхронного перевода. М.: 1984.
- Чистович Л.А.* и др. Речь: Артикуляция и восприятие. М.; Л.: Наука, 1965.
- Швейцер А.Д.* К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода // Тетради переводчика. М.: Междунар. отношения. 1967. N 4.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
- Яглом А.М., Яглом И.М.* Вероятность и информация. М.: Наука, 1973.
- Massaro D.W.* Language and information processing // Understanding Language /Ed. D.W. Massaro. New York: Academic Press, 1975.
- Miller G.A.* Language and speech. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1981.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА И ТЕКСТ

Формы существования языка как объект теоретического осмысления могут быть вычленены на основе их связей и отношений с явлениями языковой и неязыковой действительности. Язык в процессе наблюдения предстает как система двусторонних лексико-грамматических единиц, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений о мире. С другой стороны, язык — это система форм его существования, ограниченная в своей парадигме территориальным диалектом и литературным языком, между которыми располагаются различные типы обиходно-разговорного койне и просторечия. По отношению к речи язык можно представить себе как некоторую абстрактную систему единиц в их парадигматических связях и отношениях; речь по отношению к языку — система, приведенная в движение. Совокупность всего говоримого и понимаемого, языковой материал, по Л.В. Щербе [Щерба, 1974, 26], обретает форму текстов, письменных и устных, которые в свою очередь поддаются системной организации. Таким образом, системность языка выступает как его ведущее свойство, позволяющее обнаружить многообразные внутренние и внешние связи этого сложного объекта исследования.

Вторая неотъемлемая черта языка как системного образования заключается в его функциональности. Коммуникативная и экспрессивная функции не исчерпывают всех предназначений языка в обществе; они могут быть развиты и дополнены в контексте конкретного научного исследования. Исходя из тезиса о знаковом управлении деятельностью адресата сообщения, теория речевой коммуникации предполагает в качестве основной функции языка рассматривать регулятивную функцию [Тарасов, 1979, 67—77].

Третья неотъемлемая черта языка как системного образования раскрывается в его соотнесенности с понятием среды. Отдельные сферы человеческой деятельности, сферы общения представляют собой ту среду, в которой реализуют свои функции формы существования языка. Разрабатывая лингвистическую интерпретацию среды, А.В. Бондарко различает два ее типа применительно к языковым единицам и категориям — системно-языковой (парадигматический) и речевой [Бондарко, 1985, 13].

Иной план рассмотрения — текст. Не есть ли текст та среда, в которой реализуются функции языковых средств разных уровней — лексического, грамматического, стилистического? На этот вопрос следует ответить положительно, принимая во внимание роль "человеческого фактора" в языке. Однако на уровне текста обнаруживает себя и механизм взаимодействия элементов языка. Последние находятся в тексте в определенных отношениях друг к другу. Пишущий тратит порой немало труда, чтобы отобразить необходимый для текста

языковой материал, согласовать языковые единицы между собой. Небезразличен к этой работе и читающий. Правка редактора — полпреда читательской аудитории — наиболее яркое проявление воздействия читающего на текст. В формировании текста как единого целого, по мнению М.Б. Храпченко [Храпченко, 1985, 5—6], определяющую роль играют назначение текста и точка зрения его создателя, условно принимаемые как внелингвистические факторы. Кажущиеся внелингвистические факторы нельзя рассматривать иначе как в единстве: "...назначение текста — это не нечто внешнее по отношению к его лингвистическим свойствам, а его внутренний ориентир и регулятор, который обуславливает и саму конструкцию текста, и его действие" [там же].

Коль скоро в языке и тексте сосредоточено и собственно языковое и социальное, не будет ли достаточно лингвистических слагаемых текста, чтобы обнаружить в них скрытое социальное? Видимо, этот тезис справедлив только для высокого уровня абстракции, когда обобщенное в слове или грамматическом значении отражает самые общие отношения между языком как системой знаков и внеязыковой действительностью. Однако именно столь обобщенный характер содержания лексико-грамматических единиц делает нереальными попытки судить о внеязыковой действительности лишь на основании анализа лингвистических слагаемых текста. Опыт свидетельствует, что без привлечения историко-филологического материала в виде некоторого набора текстов, составляющих часть той речевой среды, в которой функционировал обследуемый текст, выяснить соотношения социального и лингвистического в тексте очень непросто.

Проблема говорения/понимания имеет свои ступени сложности, заключающиеся в недоговоренности, невысказанности/неполном понимании услышанного (прочитанного). Воссоздание образа автора по тексту произведения должно иметь своим естественным продолжением задачу воссоздания образа читателя на основании лингвистического содержания того же текста; предпосылки включения "языковой личности", обобщающей черты авторы и читателя, в объект науки о языке разработаны Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1986, 50—51]. Тезис современной лингвистики "за каждым текстом стоит система языка" должен быть дополнен, по справедливому замечанию Ю.Н. Караулова, тезисом "за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка". Как и в случае воссоздания по тексту образа автора для воссоздания образа читателя исследователю понадобится нечто большее, чем текст; это будет более широкая панорама, составленная из набора текстов соответствующего времени (плюс картины и предметы материального быта). Рассуждая о подготовленности зрителя к восприятию пьес В. Шекспира, Б.Л. Пастернак писал: «...напрасно думать, что искусство вообще когда-нибудь поддается окончательному пониманию и что наслаждение им в этом нуждается. Подобно жизни, оно не может обойтись без доли темноты и недостаточности. Но не в этом дело. Совершенно переменялся состав знаний. Латынь, которая теперь кажется признаком высшего образования, тогда была общим порогом низшего, как церковнославян-

ский в древнерусском воспитании. В начальных, так называемых „грамматических” школах того времени, одну из которых закончил Шекспир, латынь была разговорным языком школьников, и, по сообщению историка Тревелиана, им запрещалось пользоваться английским даже в дворовых играх. Для лондонских подмастерьев и приказчиков, умевших читать и писать, Фортуны, Гераклы и Ниобеи были такой же азбукой, как зажигание в автомобиле или начатки электричества для современного подростка» [Пастернак, 1983, 404].

Понятие функциональной парадигмы форм существования языка как системы систем, или архисистемы [Гухман, 1985, 4], понятия функции и лингвистической (читай: языковой/речевой) среды в интересах последующего изложения необходимо дополнить понятием процессуального порядка — сравнением. Наблюдение за функционированием единиц языка/речи в соответствующей языковой/речевой среде осуществляется в процессе сравнения (сопоставления, соотнесения) рассматриваемых единиц с их окружениями. Метод сравнения В.П. Нерознак [Нерознак, 1986, 402—404] предлагает в качестве единого операционного приема лингвистической компаративистики, призванной объединить как дисциплины диахронического цикла (историческую типологию, историю языка, исторические аспекты ареальной лингвистики), так и разделы синхронного анализа языка — структурную типологию, характерологию, сопоставительную контрастивную лингвистику и теорию перевода. Представляет интерес суждение В.П. Нерознака о перспективности взаимодействия контрастивной лингвистики и теории перевода при разработке нового направления — контрастивной лингвистики текста [там же, 411].

В рамках контрастивной лингвистики текста формы существования языка обретают зримые черты, текст принимает на себя функции среды, в которой реализуются отношения языковых единиц; сопоставление текстов на языке источника и на языке перевода позволяет уточнить социально-речевые границы функционирования языковых единиц, в конечном счете установить их отнесенность к той или иной форме существования языка. При этом важно не упускать из вида два аспекта исследования, соотносимых с понятиями „функциональная стратификация языка”, т.е. членение языка на литературный, обиходно-разговорный, просторечие (регионально окрашенное и нейтральное), полудиалект, территориальные и территориально-социальные диалекты, и „функционально-стилистическое варьирование литературного языка”, идущее от функционирования языка в различных коммуникативных сферах — в публицистике, науке, школе, государственном управлении, юриспруденции, художественной литературе и т.д., а также обусловленное литературным жанром — язык поэзии, прозы, стилистические особенности лирики, эпической поэзии [Гухман, 1985, 3—4].

Функциональная парадигма форм существования языка как всякое построение обобщающего характера не может претендовать на сохранение „малых форм”. К таковым следует отнести социальные и профессиональные жаргоны — лексические подсистемы, характерные для речи представителей различных социальных групп [Швейцер,

1976, 30]. Жаргоны и аргó, по определению В.М. Жирмунского, «не являются социальными диалектами в строгом смысле, развиваясь в рамках того или иного языка и диалекта как лексика и фразеология специального назначения (иногда с особыми средствами словопроизводства), объединяющая определенную профессиональную или социальную группу носителей этого языка как диалекта, на котором лексика эта, так сказать, „паразитирует“» [Жирмунский, 1969, 21]. Е.Д. Поливанов называл такие лексические подсистемы „социально-групповыми диалектами“ и связывал с ними понятия „русский стандартный язык, или язык русской интеллигенции“, «французский язык „света“», „школьный жаргон“, «язык „матросской братвы“» [Поливанов, 1931]. Каждая из названных лексических подсистем коррелирует, таким образом, с одной из форм существования языка: „язык русской интеллигенции“ — с литературным языком в его устно-разговорной форме, „школьный жаргон“ и «язык „матросской братвы“» — с просторечием, французский язык „света“, будучи своеобразным корпоративным жаргоном дворянства, — с устно-разговорной формой русского литературного языка. Социально-групповой диалект, охватывая любую лексическую подсистему, функционирует как средство объединения членов данной социальной группы, противопоставления социальной группы иным элементам социальной структуры общества, заявления своей принадлежности к определенной социальной группе; он может выполнять роль секретного средства общения, и эта крипто-лаллическая функция является ведущей для условно-профессиональных языков (арго) ремесленников-отходников и торговцев и жаргонов деклассированных [Бойко, 1981, 16—17].

Текст следует рассматривать как ту языковую/речевую среду, в которой реализуются функционально элементы социальных или профессиональных жаргонов. В плане функциональной стратификации языка они указывают на свою принадлежность к форме существования языка, в рамках которой они существуют. В плане функционально-стилистического варьирования литературного языка элементы социально-группового диалекта призваны указать на своеобразие различных условий речевого общения. Приведем несколько фрагментов публицистических текстов: ...Не более полутора минут можно работать на крыше, где разбросаны мощные источники излучения. Ни один механизм, ни самый совершенный робот не способны действовать здесь — „они сходят с ума“. И вот идут добровольцы... (Правда, 1987. 20 февр.); ...Похоже, и второй „грузовик“, который довелось разгружать Юрию Романенко и Александру Лавейкину, набит „под завязку“. Из него „Таймыры“ извлекли и установили самую крупную технологическую установку — „Корунд“... (Правда. 1987. 17 мар.). Взятое в кавычки словосочетание „они сходят с ума“ об электронных роботах, „грузовик“, набитый „под завязку“, о грузовом космическом корабле, несущем максимальный груз, — все это элементы профессиональных жаргонов специалистов по ядерной физике и электронике, по освоению космоса.

Сопоставление лексических элементов текста как метод обнаружения лексем, экстрасистемных по отношению к лексическому составу

ву данного текста не ограничено рамками одноязычного текста. Упомянутые лексемы репрезентируют иные лексические подсистемы, обнаруживающие себя таким образом как существующие или существовавшие и поддающиеся реконструкции и характеризующие речевую практику профессиональных и социальных групп. В переводном тексте к "иностранному" элементам оригинального текста подбираются эквиваленты, на которые возложена функция репрезентации лексических подсистем оригинального текста, бытующие в рамках соответствующей формы существования языка. Сопоставим фрагменты из книги Э. Хонеккера "Из моей жизни" на немецком и русском языках:

Die Entfesselung des zweiten Weltkrieges, daß heißt den Tag, da nach einem von der Naziführung ausgeheckten und von Himmlers SS inszenierten "polnischen Überfall" auf den Sender Gleiwitz "zurückgeschossen" wurde, erlebte ich im Arztzimmer des Zuchthauses Brandenburg—Görden...

Aber die Siege der "großdeutschen Wehrmacht" ließen sie mit der Zeit wieder munterer werden. Für uns politischen Häftlinge gab es — trotz der "Blitzsieg" der Wehrmacht — nicht den geringsten Zweifel, daß der Krieg mit der totalen Niederlage des faschistischen Regimes enden würde [Honecker, 1980, 98] —

«Начало второй мировой войны, т.е. тот день, когда после задуманного нацистским руководством и инсценированного гиммлеровским СС „польского нападения“ на радиостанцию в Глейвице был „открыт ответный огонь“, застало меня в кабинете тюремного врача...

Но победы „великого германского вермахта“ со временем вновь подбодрили их. Мы же, политзаключенные, несмотря на "молниеносные победы" вермахта, нисколько не сомневались, что война закончится тотальным поражением фашистского режима» [Хоннекер, 1982, 91].

Элементом жаргона правящей нацистской верхушки "polnischer Überfall", "zurückgeschossen", "großdeutsche Wehrmacht", "Blitzsieg", составляющим ту часть лексической подсистемы, которую В. Клемперер именовал "языком третьего рейха" — *Lingua Tertii Imperii — die Sprache des Dritten Reiches* [Klempereger, 1970], в тексте на русском языке соответствуют эквиваленты — "польское нападение", был "открыт ответный огонь", "великий германский вермахт", "молниеносные победы".

О существовании жаргонов правящих групп общества в капиталистических странах свидетельствуют лексические кальки соответствующих социально маркированных единиц: Тем, кто живет в Британии, постоянно внушают, что пластиковая пуля — "гуманное оружие" и предназначено лишь для борьбы с беспорядками... На деле — это орудие репрессий и смерти... (Правда. 1987. 21 мар.).

Проблема подбора эквивалентов в русском языке к единицам жаргонной лексики иностранного языка — составная часть более крупной проблемы, заключающейся в том, что в процессе межязыковых контактов каждый из контактирующих языков вырабатывает некоторую пограничную с другим область — специфический подъязык, предназначение которого состоит в том, чтобы обслуживать соответствующую сферу контактов. Основное назначение такого подъязыка

заключается в процессах номинации, поиска эквивалентов иноязычных лексем. Часть такой работы осуществляется в процессе перевода с иностранного языка на родной и использует его адаптирующие потенции, более того, способствует их развитию: "...для истории литературных языков было бы неправильно недооценивать роль переводов, которые не только служили источником заимствованных слов и выражений, но и стимулировали выявление и использование потенций родного языка переводчика" [Ярцева, 1986, 248].

ЛИТЕРАТУРА

- Бойко Б.Л.* Социально-психологические условия речевого общения и функционирования языка // Социолингвистические аспекты изучения немецкой лексики. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1981.
- Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. N 1.
- Гухман М.М.* Введение // Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.
- Жирмунский В.М.* Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969.
- Караулов Ю.Н.* "Четыре кита" современной лингвистики, или о предпосылках включения "языковой личности" в объект науки о языке (от содержания науки — к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке: Сб. науч. трудов. М., 1986.
- Нерознак В.П.* Метод сравнения в синхронном языкознании: К основаниям лингвистической компаративистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, N 5.
- Пастернак Е.Л.* Воздушные пути. М.: Сов. писатель, 1983.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М.: 1931.
- Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Хонеккер Э.* Из моей жизни: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1982.
- Храпченко М.Б.* Текст и его свойства // ВЯ. 1985. N 2.
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Ярцева В.Н.* Языковые контакты в условиях близких и далеких языковых культур // Литература, язык, культура. М.: Наука, 1986.
- Honecker E.* Aus meinem Leben. Berlin: Dietz Verlag, 1980.
- Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. 1970.

Е.И. Кириленко

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Как известно, основная цель сопоставительного анализа — выявление наиболее существенных расхождений в языковых структурах в целом и на отдельных ее уровнях на фоне установленного базового сходства. Задача данного исследования состоит в том, чтобы попытаться сопоставить систему видовых отношений русского и

английского языков, обнаружить некоторые сходные черты видовых значений, а также указать на ряд расхождений в особенностях видовых характеристик анализируемых языков.

Рассмотрим вначале видовые формы русского языка. Как известно, существует несколько точек зрения на значение сов. вида. Так, наибольшее признание получила точка зрения, согласно которой сов. вид обозначает целостность выраженного глаголом действия (Л.П. Размусен, Ф. де Соссюр, А. Достал, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко и др.). При этом иногда несколько по-разному расставляются акценты. Например, Ф. де Соссюр прежде всего обращает внимание на точечное, непротяженное, вне всякого становления действие, которое выражает сов. вид. Наряду с этим высказывается мнение, что сов. вид обозначает действие, рассматриваемое как единое целое (начало, середина и конец — совокупно) [Размусен, 1891]. Например, форму *напишу* Л.П. Размусен представляет как *начал писать, пишу и допишу*. В таком виде, как утверждает М.Я. Гловинская, понятие целостности является содержательным и может служить основой для объяснения факта несочетаемости глаголов сов. вида с фазовыми глаголами. Однако, отмечает автор, сомнения вызывает универсальность этого понятия, и в частности его применимость к непарным начательным глаголам типа *запеть, засуетиться*. По мнению М.Я. Гловинской, *запеть* невозможно представить как начало, середину и конец запевания. *Запеть* не может иметь другого значения, кроме как 'начать петь' [Гловинская, 1982, 12].

Идея о точечности действия как об основном значении форм сов. вида, представленная в работе Ф. де Соссюра, находит дальнейшее развитие в исследованиях А.М. Пешковского, который отмечает, что формы сов. вида не сочетаются с глаголами типа *начинать, продолжать, прекращать, кончать* и т.д. Значение категории сов. вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола. Название "punktuell" ("точечный") идеально выражает, по его словам, значение сов. вида [Пешковский, 1935]. Как уже отмечалось, часто метаязыковые понятия точечности и целостности рассматриваются как разные формулировки одного и того же признака. Далее мы попытаемся показать, что следует выделять именно два разных признака: 1) целостность в смысле полноты охвата действия (все действие в целом); 2) целостность в смысле именно точечности.

Существует также трактовка значения сов. вида, опирающаяся на понятие предела действия. Так, например, В.В. Виноградов писал, что в "понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения и устранения представления о длительности действия" [Виноградов, 1947, 497]. П.С. Кузнецов также отмечал, что с указанием на предел действия связано указание на достижение цели этим действием и на сохранившийся после прекращения действия его результат. Он связывал результативное значение ряда глаголов с образованием сов. вида в видовой паре. Таким образом, высказывается мнение, что понятие результата входит в значение форм сов. вида.

Значение несов. вида формулируется разными аспектологами по-разному, но, как утверждает М.Я. Гловинская, значат такие определения по существу одно и то же, а именно указание на: 1) продолжительность, длительность действия; 2) линейность, протяженность действия; 3) на действие в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом. Несов. вид в своих частных значениях может обозначать как действие "незаконченное, не достигшее предела (актуально-длительное), так и действие законченное, достигшее предела (общезаконченное, настоящее историческое)" [Гловинская, 1982].

А.В. Бондарко к числу основных функций несов. вида относит процессную функцию и обобщенно-фактическую [Бондарко, 1983]. Для содержания процессности характерно вычленение фиксируемого периода в осуществлении действия и представление действия в динамике его протекания во времени — от прошлого к будущему. Процессность как семантический комплекс, по словам А.В. Бондарко, состоит из двух признаков: 1) срединность — выделение фиксируемого момента в осуществлении действия, которое предполагает элемент незаконченности; 2) динамичность — выражение течения действия в фиксируемый период во времени от прошлого к будущему. Фиксируемый период понимается при этом как определенный период (срединная фаза) в протекании действия, как период восприятия данной фазы действия наблюдателем. Таким образом, процессность, по мнению А.В. Бондарко, представляет собой семантический комплекс, состоящий из нескольких связанных друг с другом признаков.

Другая важная особенность несов. вида, как утверждает А.В. Бондарко, состоит в передаче наиболее общей, неконкретизированной информации. В этом заключается значение обобщенно-фактической функции несов. вида. А.В. Бондарко останавливается на различных типах обобщений, свойственных несов. виду. Этот вид способен передавать информацию о самом факте осуществления действия (*Вы ему писали?*). Несов. вид может передавать информацию, которая сводится к обобщенному называнию действия безотносительно к тем или иным особенностям его протекания (*Жаль расставаться с этой вещью*), с возможным отнесением содержания высказывания не только к данной ситуации, но и к другим, ей подобным (*Разве можно бросаться такими словами?*) [там же].

Попытаемся теперь отобрать те представления, которые, мы полагаем, являются существенными для понимания грамматической категории вида в русском языке. По-видимому, можно считать, что признак целостности обязательно входит в значение форм сов. вида. Доказательством служит несочетаемость этих форм с фазовыми глаголами, которые вычленяют из целого его часть (начало, конец, какую-нибудь фазу в середине). Сов. вид может, однако, означать как целостность действия, так и целостность какой-то части действия, начальной, срединной или конечной, при условии, что эта часть рассматривается как самостоятельное явление, о чем свидетельствует само обозначение ее с помощью специального глагола. В связи с этим представляется правильной точка зрения Л.П. Размусена,

который пишет, что в слове *запеть* начальный этап изолирован от остального действия и форма сов. вида показывает, что этот этап представлен как целое (ср. *запевать*). Таким образом, указание на целостность действия является истинным для всех форм сов. вида, и наличие форм типа *запеть* не противоречит утверждению о том, что эти формы выражают признак целостности.

Однако указание на целостность обозначаемого действия само по себе не является достаточным для характеристики глаголов сов. вида. Целостность, выражаемая формами сов. вида, обязательно связана с представлением действия как "точечного". Понятие "точечности" встречается, как уже указывалось, при толковании сов. вида Ф. де Соссюром, это же представление вводится в описание данного вида А.М. Пешковским. За понятием точечности могут в принципе стоять два разных представления: 1) соответствие определенной точке на оси времени, если обозначаемое действие мгновенно, и 2) абстрагированность от течения действия во времени. В последнем случае действие, как отмечает О.Н. Селиверстова, не может быть соотнесено не только с временным отрезком, но и с точкой на оси времени. Нельзя сказать: **Я прочла "Анну Каренину" в 7 часов вечера*. Таким образом, точка здесь соответствует некоторой абстракции. Она возникает в результате того, что фазы действия, распределенные по временному отрезку в определенной последовательности, снимаются с оси времени, что позволяет интегрировать их в единое целое. При этом они, естественно, лишаются линейной протяженности и представлены как сумма. Эта точка может характеризоваться только количеством времени, которое требуется для достижения предела, суммой временных точек, поэтому формы сов. вида могут сочетаться с выражениями типа *за час: Я прочла эту книгу за три дня*.

В значении глаголов сов. вида информация о целостности действия, представленная как "точечность", может сочетаться со сведениями о доведении действия до предела. Эта информация является следствием соединения признака целостности с указанием на наличие запрограммированного предела в лексическом значении глагола (*Я прочла книгу*).

Итак, можно утверждать, что глаголам сов. вида присуще значение целостности при условии представления события как точечного, причем речь может идти о двух его типах: о событии, соответствующем реальной точке на оси времени, и о событии, представленном как некоторая абстракция. Реализация третьего признака, признака предела, зависит от лексического значения глагола.

Рассмотрим значение глаголов несом. вида при обозначении ими действия конкретного. Существенным признаком форм несом. вида, на наш взгляд, является указание на "неточечность", длительность обозначаемого действия. Следствием этого является тот факт, что глаголы несом. вида не способны обозначать действие мгновенное, недлящееся. А.В. Бондарко обращает внимание на то, что длительность может характеризовать как глаголы совершенного, так и глаголы несом. вида. При этом представляется важным подчеркнуть,

что формы несов. вида обязательно характеризуются длительностью. Глаголы сов. вида, хотя и могут обозначать немгновенное действие, однако представляют его при этом как оторванное от реального развертывания во времени, как некоторую абстрактную точку.

Другим важным признаком форм несов. вида является указание на то, что действие представлено в его реальном протекании во времени, т.е. фазы действия, процесса последовательно распределены по временному отрезку. Это значение глаголов несов. вида противостоит значению форм сов. вида, которые, как отмечалось, представляют действие абстрагированным от реального распределения фаз по временному отрезку.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что формы сов. и несов. вида в самом общем виде противопоставлены по признаку "точечность/неточечность действия", если в понятии точечности выделить два разных варианта — реальная точка на оси времени и абстрагированная, обобщенная точка, которая соответствует действию, оторванному от оси времени.

Данную классификацию можно детализировать, используя несколько иной аппарат описания: противопоставление по длительности/недлительности действия (несов. вид всегда длителен) и противопоставление по локализованности/нелокализованности на оси времени. Предикаты несов. вида всегда локализованы на оси времени, формы сов. вида могут быть локализованы на оси, если действие мгновенное. Если же оно немгновенное, то глаголы сов. вида теряют локализованность во времени. Особое употребление форм несов. вида связано с разными типами обобщенных высказываний.

Остановимся теперь на интерпретации проблемы вида в английском языке. В лингвистических работах последних лет утверждается, что основные видовые различия в английском языке сводятся к различиям по линиям "перфективность/имперфективность" и "прогрессивность/непрогрессивность". По словам Э. Фрида, традиционное различие между перфективностью и имперфективностью соответствует различиям между событиями завершенными или ограниченными во времени и событиями развивающимися, не ограниченными временем. Временная граница рассматривается при этом как внутренний предел действия, указание на который входит в значение перфективного вида. Напротив, имперфективность включает обычные или повторяющиеся действия, а также действия продолженные [Freed, 1979].

Но различия между перфективностью/имперфективностью не сводятся только к различиям между событиями, ограниченными во времени, и событиями, не ограниченными во времени. Так, например, Б. Комри пишет, что при перфективном виде ситуация рассматривается как целостная, без выделения отдельных фаз, конституирующих целое [Comrie, 1976]. Дж. Форсит определяет понятие перфективности как соответствующее целостному представлению действия (действие как специфическое единство). Имперфективность получает отрицательное определение, а именно к этому понятию относится все то, что не соответствует перфективности [Forsyth, 1970].

Второе видовое различие — различие между прогрессивностью

и непрогрессивностью — характеризуется как различие между событиями, развивающимися во времени, и событиями, которые являются нарастающими, статичными.

Как утверждает Э. Фрид, предложения в форме Past Indefinite, особенно при сочетании с наречиями времени, передают перфективное значение. Напротив, глаголы в Present Indefinite обычно имеют имперфективный вид. При этом она обращает внимание на три случая имперфективности. К первому относятся глаголы, которые способны образовывать только формы Continuous и выражать прогрессивный вид. Ко второму случаю относятся глаголы, употребляемые только в Present Indefinite: они являются непрогрессивными. К третьему случаю Э. Фрид относит глаголы, которые могут встречаться и в той и в другой форме, т.е. либо передавать значение обычного повторяющегося действия, либо обозначать действие в его развитии. Понятие прогрессивности рассматривается как особый случай имперфективности, поскольку все прогрессивно-видовые глаголы могут интерпретироваться как имперфективные.

Пунктуальные, инхоативные и комплетивные значения рассматриваются обычно как различные типы перфективности. Однако временами может наблюдаться смешение этих категорий, например при употреблении перфективного глагола в форме Continuous: *They are finishing dinner.*

Подобного же мнения придерживается Б. Комри, когда пишет, что "перфективность совместима с формальными средствами выражения длительности ситуации" [Comrie, 1976, 22].

Итак, при описании аспектуальных отношений английского языка обычно говорят о двух видовых противопоставлениях: прогрессивность/непрогрессивность, перфективность/имперфективность.

Вслед за другими исследователями [см., например: Селиверстова, 1982] мы полагаем, что ведущим признаком видового противопоставления является признак, позволяющий разграничить прогрессивные формы и непрогрессивные. Глаголы в прогрессивном виде указывают на действие, представленное в его реальном развертывании во времени, предполагающее последовательную смену фаз. Напротив, глаголы, имеющие непрогрессивный вид, сообщают о самом факте осуществления действия, не акцентируют внимания на развертывании действия в рамках того отрезка, который занимало данное действие. Формы, имеющие непрогрессивный вид, в свою очередь, могут разделяться на перфективные и имперфективные. Последнее видовое различие связано с соотношением действия с пределом. Оно состоит в том, представлено ли действие как доведенное до предела (*I have read the book*) или же оно осознается как не достигшее предела, сообщается о самом факте его осуществления (*I read the book from 5 till 7*).

Как уже отмечалось, Б. Комри связывает понятие перфективности действия с понятием целостности. Он описывает целостность как некоторое монолитное единство, неделимое на фазы и, следовательно, исключающее возможность соединения частей, его составляющих. На наш взгляд, кроме указания на отсутствие деления на фазы важно еще указать на абстрагированность описываемого действия при

перфективном значении от локализованности на оси времени и представление этого действия как точки.

Итак, можно утверждать, что при сопоставлении системы аспектуальных отношений английского и русского языков обнаруживаются некоторые сходные черты видовых значений, например, указание на целостность, указание на предел. Однако эти противопоставления не являются ведущими для английского языка. Основную роль для системы видовых отношений английского языка играет противопоставление по линии указания на развертывание действия в рамках того отрезка, который занимает данное действие (прогрессивность), и по линии указания на сам факт осуществления действия (непрогрессивность).

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л. 1947.
- Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935.
- Размусен Л.П.* О глагольных временах и об их отношении к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. Мин. нар. просв. 1891. Июнь.
- Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.
- Forsyth J.* A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Freed A.F.* The semantics of English aspectual complementation. Dordrecht, 1979.

С. Н. Кузнецов

ПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

1. При синтаксическом описании или сопоставлении языков следует отчетливо различать структуры трех разных типов — реляционные, позиционные и транслокационные. Реляционные структуры образуются синтаксическими отношениями между компонентами предложения, позиционные — их взаимным расположением, транслокационные — возможностью перестановок компонентов из одной позиции в другую (анализ этих структур на материале датского языка представлен в работе: [Кузнецов, 1984]).

Синтаксические различия могут затрагивать структуры всех трех типов. Однако здесь существует определенная закономерность, состоящая в том, что родственные языки имеют близкие реляционные структуры, причем эта близость тем больше, чем выше степень генетического родства языков. В позиционном же и транслокационном отношениях даже близкородственные языки могут весьма различаться. Ниже этот тезис будет проиллюстрирован материалом близкородственных скандинавских языков.

Что же касается языков с более дальним генетическим родством или вообще не имеющих такового, то здесь закономерно появление реляционно различных структур, которые притом могут быть близкими или тождественными в позиционном отношении. Это явствует уже из простейших примеров. В рус. *У меня был друг* и англ. *I had a friend* совпадает порядок следования актантов, но различается их реляционное оформление: подлежащно-сказуемое отношение в русском языке устанавливается в группе *друг — был*, а в английском языке — в группе *I — had*.

Большинство моделей синтаксического описания (деление по членам предложения или непосредственно составляющим, трансформационная и генеративная грамматика, а также различные варианты грамматики зависимостей) имеет в своей основе анализ реляционных структур и поэтому плохо приспособлено для регистрации синтаксических различий между языками, имеющими сходные реляционные структуры. Этим объясняется, почему типология родственных (и особенно близкородственных) языков в большей степени ориентируется на морфологию, чем на синтаксис, и редко выходит на уровень предложения, так как реляционный каркас предложения в (близко)-родственных языках практически тождествен. Между тем применение к (близко)родственным языкам позиционного или транслокационного анализа могло бы показать наличие существенных расхождений между ними.

Однако здесь возникает вопрос, настолько ли универсальны методы позиционного синтаксиса, чтобы не только демонстрировать специфику каждого отдельного языка, но и показывать типологические сходства и различия между языками. В своих исходных модификациях позиционный синтаксис давал картину, всецело детерминированную материалом конкретного языка, поэтому распространение ее на другие языки не приносило желаемого эффекта. Таковы, с одной стороны, теория Э. Драха, построенная на базе немецкого языка [Drach, 1937], или, с другой стороны, "полевой анализ" П. Дидериксена, обусловленный исключительно датским материалом (см. ниже). Использование методов позиционного синтаксиса в типологии окажется возможным лишь при универсализации данной теории.

2. Какова логика рассуждений П. Дидериксена, приведшая его к построению так называемой схемы предложения в датском языке? Выделив в предложении глагольные (V), именные (N) и адвербиальные (A) члены, Дидериксен установил последовательность этих членов в максимально развернутом главном предложении (схема 1).

F	V	N	A	V	N	A
Heldigvis	havde	K.	jo i de sidste dage ikke	sendt	børnene	i skole

'Ведь, к счастью, К. за последние дни не посылал детей в школу'.

Схема 1

Отсюда членимость предложения на "поля" и "позиции": позиционно разобщенные глагольные члены V делят предложение на три поля — фундаментальное (символ F), которое предшествует финитному глаголу, нексусное, начинаемое финитным глаголом, и содержательное, начинаемое нефинитным глаголом. Фундаментальное поле может быть занято членом любого типа (чаще N, реже A, иногда V); в нем формируется исходная точка высказывания. Нексусное и содержательное поля изоморфны друг другу по своему строению (V—N—A); в нексусном поле устанавливается связь подлежащего (N) и финитного глагола-сказуемого (V); в содержательном поле располагаются члены, раскрывающие содержание глагола, т.е. дополнения (N) и обстоятельства (A).

Эта "схема предложения" с самого начала мыслилась Дидериксеном как основа для сравнительного "описания строения предложения в различных текстах, чтобы отличающие их особенности резко обозначались [Diderichsen, 1936, 44]. Такое внутреннее сопоставление должно было служить целям "построения описательной грамматики национального языка" (т.е. датского) [там же, 43]. Наряду с этой, так сказать внутренней, типологией позднее ставится задача разработки внешней типологии: Дидериксен обращается сначала к позиционному анализу древнедатского предложения в сравнении с современным [Diderichsen, 1941], а затем к сопоставлению датского языка с другими германскими — английским и немецким [Diderichsen, 1943/1966].

Результаты такого сопоставления весьма показательны. Дидериксен полагает, что сопоставление предложений разных языков по отдельным полям позволяет представить детальную картину позиционных различий между языками (см. схему 2).

Немецкий язык						
F	V	N	A	N	A	V
Glücklicherweise	hatte	K.	ja in den letzten Tagen	die Kinder nicht geschickt in die Schule		
Английский язык						
F	N V A			V N		A
Fortunately in the latest days			K. had obviously not	sent the children to school		

Схема 2

Нетрудно убедиться, что последовательность V—N—A представлена в поле нексуса немецкого языка и в поле содержания английского языка, так что эти поля совпадают с соответствующими датскими; поле же содержания в немецком языке и поле нексуса в английском строятся по собственным моделям.

Этот анализ, однако, оказывается весьма уязвимым, так как само существование в немецком и английском тех же полей, что и в датском, ничем не подкреплено. Действительно, если вслед за Дидериксеном полагать, что границы полей маркируются глагольными членами,

то нужно было бы заключить, что в немецком не три поля, а два, так как второй компонент глагольной формы стоит в конце предложения и поле нексуса ничем не отделено от поля содержания. В английском же языке, если исходить из тех же принципов, имеется три поля, но поле нексуса следовало бы начинать с глагольной формы *had*, а именной член, предшествующий ей, т.е. подлежащее, относить к фундаментальному полю (правда, при этом утрачиваются основания называть второе поле предложения нексусным, так как оно уже не будет заключать в себе подлежащего, т.е. субъектного компонента нексуса). Получается, что поля в концепции Дидериксена — это некоторые последовательности синтаксических членов, выделенные лишь на материале датского языка, а для других языков просто постулируемые на базе выбранного типологического эталона. Подобный подход, вероятно, мог бы служить для контрастивного описания прочих языков относительно датского (что требовалось для нужд датской школы и вполне соответствовало педагогическим устремлениям Дидериксена), но не смог бы лечь в основу ни общей позиционной типологии языков, ни позиционного анализа какого-либо конкретного языка помимо датского. Синтаксический подход Дидериксена, как видим, не отличается универсальностью (универсализации теории посвящена работа: [Кузнецов, 1984₂]).

3. При оценке тех или иных методов исследований наряду с качеством универсальности (приложимости ко всем языкам) должно учитываться качество тотальности (приложимости ко всему материалу конкретного языка). Первое качество обеспечивает использование метода в области внешней типологии (сравнение языков), второе — в области внутренней типологии (сравнение структур внутри языка).

В работах, посвященных схеме предложения в датском языке, нередко сетуют, что "многие примеры, соответствующие нормальному языковому употреблению, не укладываются в данную модель или укладываются с трудом" [Larsen, 1986, 132], т.е., иначе говоря, схема не охватывает всего датского материала, на базе которого она разработана. С этим обстоятельством необходимо разобраться.

Предложенная Дидериксеном схема соответствует лишь главному предложению (правильнее было бы говорить "независимому предложению", так как в это понятие включается как главное предложение в противоположность придаточному, так и простое — в противоположность сложному). Для придаточного предложения принимается особая схема 3 (символ *k* соответствует подчинительному союзу):

	Поле нексуса		Поле содержания
<i>k</i>	N A	V	V N A
...hvis	K. ikke i de sidste dage havde		sendt børnene i skole

Схема 3

П. Дидериксен констатирует, что придаточное отличается от главного отсутствием фундаментального поля (вместо которого имеется соединительное поле — *k*) и иной последовательностью членов в поле нексуса (N—A—V вместо V—N—A). Именно это последнее

обстоятельство, отмеченное, но никак не объясненное данной теорией, вызывает впечатление, что схема с изоморфизмом полей не дает тотального охвата материала и требует введения дополнительной схемы, которая описывает придаточные предложения как "исключения" из общего позиционного правила.

Между тем можно показать, что обе схемы (для главного и придаточного предложений) вполне наложимы друг на друга и при этом порождают обобщающий вывод:

Главное предложение	F	V	N	A	—	V	N	A
Придаточное предложение	k	N	A	V	V	N	A	
Обобщающая схема		N	A	V	V	N	A	

Выведение обобщающей схемы [Кузнецов, 1984.] позволяет понять, что выделявшиеся Дидериксеном поля на самом деле иллюзорны: представление о демаркационной роли глагольных членов возникло благодаря тому обстоятельству, что в независимом предложении реляционно целостное глагольное ядро (аналитическая форма глагола) подвергается диффузии (позиционному расщеплению), но эта диффузия не имеет места ни в придаточном предложении, ни в обобщающей схеме предложения. Следовательно, дистантное расположение компонентов аналитической глагольной формы проводится отнюдь не для размежевания "полей", а для позиционного (наряду с интонационным) маркирования синтаксической независимости предложения.

Другим "исключением", нарушающим стройность позиционной схемы предложения, является требование переноса более "легких" (например, местоименных) компонентов предложения ближе к его началу, а более "тяжелых" (например, многословных или имеющих служебные слова) — к концу. При этом приходится расширять исходную схему, предписываемую теорией, и вводить особые позиции, например для легких компонентов в поле нексуса:

	N ¹	A	N ²
Jeg kender		ikke	denne mand
Jeg kender	ham	ikke	

'Я не знаю этого человека — Я его не знаю'.

Здесь N¹ соответствует легким дополнениям, а N² — тяжелым. Однако можно показать, что данный принцип (он получил название "принцип тяжести") не приводит к исключениям в позиционной схеме и не требует введения специальных позиций для легких или тяжелых компонентов. Как говорилось в начале статьи, необходимо различать собственно позиционные структуры и структуры транслокационные, связанные с перестановками элементов. В работах по позиционному синтаксису это различие обычно не делается, почему предлагаемые схемы постоянно корректируются путем добавления дополнительных позиций для разного рода "легких", "тяжелых" и "сверхтяжелых" элементов, так что схема под конец просто теряет обзорность.

Следует различать "позицию", т.е. функционально обусловленное место элемента в структуре предложения, и "смещение", т.е. нарушение нормального порядка в результате транслокации. Расширен-

	V	N	A			
1. derfor	ville	jeg	jo ikke	sende ham		
2. derfor	ville	rektor	jo ikke	bogen til-		
3. derfor	ville	rektor	jo heller ikke	bage i går		
4. derfor	ville	jeg	jo ikke	sende boka		
5. derfor	ville		jo ikke	rektor	tilbake til	
6. derfor	ville		jo	rektor	heller ikke	ham i går
7. derfor	ville		jo ikke	'jeg		
8. derfor	ville	rektor	jo 'ikke			
	V	N ¹	A ¹	N ²	A ²	

'поэтому я и не хотел отослать ему книгу назад вчера', 'поэтому ректор и не хотел...'
'поэтому ректор также не хотел...'

ные схемы предложения (в которых учитываются места для "легких", "тяжелых" и "сверхтяжелых" компонентов) появляются в результате смешения позиционных и транслокационных структур, т.е. неразличения принципиально разных механизмов линейного развертывания предложения.

4. Те же механизмы должны различаться и при типологическом анализе языков. Представляет особый интерес сопоставление датского языка с близкородственным ему норвежским букмолем; схемы предложения в обоих языках зачастую наполняются генетически тождественным лексическим материалом, но при этом обнаруживают глубокие различия в линейной организации предложения. Для правильного понимания этих различий противопоставление позиционных и транслокационных структур оказывается решающим.

Приведем схему предложения в датском (примеры 1—3) и норвежском (примеры 4—8) языках по Э. Бруосу [Bruaas, 1971, 44] (см. таблицу).

По Бруосу, различие датского и норвежского предложений — позиционное: последовательность V—N—A в датском языке при последовательности V—N¹—A¹—N²—A² в норвежском. На самом же деле эти различия носят не позиционный, а транслокационный характер: базовая последовательность в норвежском языке такая же, как в датском (V—N—A, т.е. финитный глагол — подлежащее — наречие), но в норвежском подлежащее и наречие могут меняться местами в зависимости от их синтаксического "веса", подобно тому как в обоих языках меняются местами дополнения и наречия (см. выше): местоименное подлежащее оказывается "легче" наречия (пример 4), если только его вновь не "утяжеляет" эмфатическое ударение (пример 7); субстантивное же подлежащее "тяжелее" наречия (пример 5), если только последнее не "отягощено" дополнительными словами или эмфатическим подчеркиванием (примеры 6, 8).

Таким образом, предлагаемая Бруосом расширенная схема предложения (...V—N¹—A¹—N²—A²...) является проекцией на линейную

последовательность двух принципиально различных структур — позиционной и транслокационной, что по сути дела скрывает от наблюдения истинное положение вещей.

Весьма показательны позиционная и транслокационная трактовки постверба в различных скандинавских языках [ср.: Lie, 1979, 39]:

Норвежский	Jeg har kjørt		fram	bilen
	Jeg har kjørt	den	fram	
Датский	Jeg har kørt	bilen	frem	
	Jeg har kørt	den	frem	
Шведский	Jag har kört		fram	bilen
	Jag har kört		fram	den

'Я вывел вперед автомобиль' — 'Я вывел его вперед'.

Различия датского и шведского языков — чисто позиционные: в датском постверб всегда следует за дополнением, в шведском постверб всегда предшествует дополнению. Норвежский же отличается от этих языков транслокационными характеристиками: субстантивное дополнение обычно следует за поствербом, но легкие (местоименное) дополнение выносятся перед ним. Базовой структурой, видимо, следует считать ту, которая заполняется словами открытых классов: в соответствии с этим принципом существительные, как заполнители синтаксических позиций, лучше выявляют базовую структуру, чем местоимения, подверженные транслокационным смещениям.

Таким образом, по своей базовой позиционной характеристике дополнение в норвежском языке близко к дополнению в шведском, но действующие в норвежском языке транслокации могут приближать его к датскому позиционному образцу.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М., 1984.
- Кузнецов С. Н. Позиционный синтаксис датского предложения (в сопоставлении с английским и немецким) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1984.
- Bruaas E. Elementær metodikk i eksperimentell-analytisk lingvistik for dansk og norsk setningsmorfologi. Oslo, 1971.
- Diderichsen P. Prolegomena til en metodisk dansk Syntax. I: Forhandlingler paa det ottende nordiske Filologmøde i København. København, 1936.
- Diderichsen P. Sætningsbygningen i Skaanske Lov. København, 1941.
- Diderichsen P. Logische und topische Gliederung des germanischen Satzes (1943). (Первая публикация: Diderichsen P. Helhed og struktur. København, 1966.)
- Drach E. Grundgedanken der deutschen Satzlehre. Frankfurt a.M., 1937; 2. Aufl. 1939.
- Larsen E. V. Paul Diderichsens sætningsskema og den nordiske syntaksforskning. I: Sætningsskemaet og dets stilling — 50 år efter. København, 1986.
- Lie S. Innføring i norsk syntaks. 3. utg. Oslo, 1979.

Д. Б. Никуличева

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУПП КАК МЕТОД СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СИНТАКСИСА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В связи с развитием контрастивно-типологических исследований в последние годы все более настоятельно выдвигается задача уточнения методов сопоставительного анализа языков. Стратификационный характер языковой системы заведомо предполагает многообразие этих методов. Обращение исследователя к тому или иному уровню системы языка обуславливает выбор специфической методики контрастивного анализа, зачастую неприемлемой на других языковых уровнях. Другим моментом, предопределяющим множественность методов сопоставительного описания, является разная степень близости сравниваемых языков. Та или иная конкретная методика сопоставления оказывается в большей или меньшей степени приемлемой в зависимости от того, сравниваются ли генетически родственные или же неродственные языки, а также от того, насколько далеко разошлись сопоставляемые языки при условии их генетического родства.

В предлагаемой статье ставится задача разработать и применить такую методику сопоставительного анализа, которая бы позволила выявить в возможно более систематизированном виде синтаксические различия, отмечаемые между наиболее близкородственными языками. Примером таких языков могут служить датский, норвежский (букмол) и шведский, входящие в скандинавскую подгруппу германских языков и часто объединяемые термином "континентальные скандинавские языки".

Существующие сопоставительные описания современных скандинавских языков можно разделить на два вида: сравнительные и сравнительно-типологические.

Сравнительное описание синтаксиса современных скандинавских языков получило наиболее последовательное выражение в книге Л. Хюльтена [Hulthén, 1944; 1948]. В этой работе на основании сопоставления тождественных художественных текстов, изданных на разных скандинавских языках, устанавливается подробный свод характерных для них синтаксических различий. При всей неоспоримой ценности сделанных наблюдений обширный сопоставительный материал исследования никак не обобщается и предстает в виде длинного списка мелких расхождений.

Сопоставительно-типологическое описание скандинавских языков, которому посвящена последняя монография В. Д. Аракина [Аракин, 1984], имеет то преимущество, что, оперируя набором заранее определенных параметров, позволяет свести все многообразие отдельных различий к ряду стройных и обозримых противопоставлений. Вместе с тем при таком подходе вследствие его обобщенности игнорируются некоторые существенные различия, составляющие своеобразие каждого конкретного языка. Так, например, синтаксические характеристики,

содержащиеся в предлагаемых В.Д. Аракиным типологических "паспортах" датского и шведского языков [там же, 125, 127], оказываются, в представлении автора, совершенно тождественными, хотя в действительности между этими близкородственными языками существует значительное число синтаксических расхождений, констатируемых при их сравнительном описании. Это еще раз подтверждает, что чем больше мы сужаем круг сопоставляемых языков, чем ближе эти языки между собой и чем уже область их сопоставления, тем более необходимы дополнительные параметры, которые можно не учитывать при более широких сопоставлениях.

Поскольку предлагаемые В.Д. Аракиным в качестве параметров синтаксические характеристики словосочетания и предложения перестают быть различительными применительно к подгруппе континентальных скандинавских языков, то при сопоставительном синтаксическом исследовании, проводимом внутри этой подгруппы, возникает задача выбора такой единицы сопоставления, которая позволила бы эксплицировать и по возможности систематизировать реально существующие синтаксические различия. Вопрос о выборе единицы сопоставления имеет принципиальное значение, ибо адекватное определение такой единицы для того или иного языкового уровня во многом предопределяет плодотворность самого сопоставления.

В типологических исследованиях последних лет, основанных на системном подходе к явлениям языка, подчеркивается та мысль, что сопоставление отдельных форм в двух языках является малоинформативным, поскольку при подобном подходе можно лишь констатировать, что какие-то формы совпадают, а какие-то расходятся. В качестве альтернативы такой методике предлагается обращаться к сопоставлению более глубинных форм категоризации [Ярцева, 1981, 12—13]. Плодотворным в этом плане является сравнение микросистем форм и их семантических вариантов, поиск функциональных различий у тех форм которые в родственных языках часто совпадают [Ярцева, 1986].

Наряду с указанным направлением исследования (условно его можно было бы обозначить как путь от сопоставления отдельных форм к сопоставлению микросистем форм) нам представляется перспективным другое направление сопоставлений. Обозначим его как переход от сравнения отдельных конструкций, понимаемых как частные варианты, к моделированию и дальнейшему сопоставлению инвариантных структур. Такие структуры помогли бы обобщенно представить типологические особенности синтаксической организации каждого из сопоставляемых языков.

Известно, что в языках аналитического типа, к которым принадлежат и континентальные скандинавские языки, отдельное слово часто получает свое грамматическое определение лишь по связи с окружающими его элементами. Особую значимость при этом приобретает исследование местоположения и функционирования элемента в составе синтаксического целого, взаимодействие этого элемента не только с ядром, к которому он непосредственно относится, но и с другими зависимыми от ядра членами. В этих условиях весьма

перспективным оказывается изучение расположения ориентированных на общее ядро компонентов внутри синтаксических групп, понимаемых как совокупность подчинительных словосочетаний, имеющих общее ядро, а также установление позиционных и функциональных отношений этих зависимых компонентов между собой.

Основой для моделирования синтаксических групп служит метод позиционного синтаксиса. Как особое направление этот метод был разработан в трудах датского лингвиста П. Дидериксена [см., например: Diderichsen, 1946] и ряда его скандинавских последователей. Из советских скандинавистов эту методику использовал и развил С.Н. Кузнецов [Кузнецов, 1984].

Специальное позиционное исследование синтаксических групп позволяет не только проследить взаимное расположение входящих в их состав элементов, но и исчислить набор возможных перестановок этих элементов в пределах группы. В результате в линейной структуре синтаксической группы выделяются мельчайшие ячейки, позиции, характеризующиеся единством синтаксических функций занимающих их элементов, и одинаковой способностью этих элементов к перемещению относительно других членов группы. Из текстов, написанных на разных скандинавских языках, выбираются однотипные (имеющие ядро одного и того же грамматического класса, например глагольное или субстантивное) многочленные, т.е. содержащие более двух зависимых от ядра членов, синтаксические группы. Мысленно они совмещаются таким образом, чтобы изофункциональные члены накладывались друг на друга. В результате исследователь получает возможность регистрировать возникновение новых позиций, как бы раздвигающих позиции, зафиксированные ранее. В итоге устанавливается потенциальная максимально развернутая позиционная схема синтаксической группы, по отношению к которой конкретные подчинительные словосочетания выступают как ее частные реализации. Такая моделируемая в результате совмещения отдельных словосочетаний с однотипным ядром инвариантная максимально развернутая структура и служит тем генерализованным объектом сравнения, который позволяет эксплицитировать некоторые типологические особенности синтаксиса близкородственных языков, "стирающиеся" при сопоставлении отдельных синтаксических конструкций.

В заключение теоретической части статьи отметим, что предлагаемая методика моделирования синтаксических групп существенно отличается от возведения синтаксической организации сопоставляемых языков к их "глубинным" структурам. Метод позиционного синтаксиса изначально опирался на сопоставления "поверхностных" по своей сути линейных отношений языка. Используемая нами генерализация позиционных структур также проводится на самом этом "поверхностном" уровне. Именно вследствие этого возникает возможность обобщить частные синтаксические различия, которые отмечаются между близкородственными языками на поверхностном уровне при несомненной общности их языкового фонда.

Проиллюстрируем, как предлагаемая методика "работает" при сопо-

ставлении датского, шведского и норвежского языков в плане структурной организации синтаксической группы глагола.

Завершая свой труд по сопоставительному описанию синтаксиса скандинавских языков, Л. Хюльтен вынужден был признать, что ему так и не удалось выполнить стоявшую перед ним задачу: дать обобщение тех синтаксических различий, которые существуют между этими языками. Так, например, он отмечал большую необходимость формального дополнения со значением адресата, выраженного возвратным местоимением *sig* в датском и норвежском языках по сравнению со шведским: швед. Sebastian själv... *beställde*___en *biffstek* (Krusenstjerna); дат. Sebastian selv... *bestilte sig en bøf* 'Себастьян сам заказал (себе) бифштекс'; норв. Hun *la sig op de fire Dalerne* hun hadde om Aaret (Egge); швед. Hon *lade_av de fyra daler* hon hade om året 'Она откладывала (себе) те четыре таллера, которые получала ежегодно' [Hulthén, 1944, 87].

С другой стороны, в сочетаниях *sig* с предлогом, также имеющих значения адресата, отмечалась прямо противоположная тенденция: в норвежском, и особенно в датском, *sig* обычно опускается, тогда как в шведском его сохранение при предлоге обязательно: дат. Han... *tager hatten af* (Klitgaard); швед. Han... *tar av sig hatten* 'Он снял (с себя) шляпу' [Hulthén, 1948, 166].

Масса расхождений такого рода характеризовалась Л. Хюльтеном как частные явления, за которыми невозможно усмотреть более системных различий. Вместе с тем если обратиться к сопоставлению инвариантных структур глагольной группы в рассматриваемых языках, то общая масса различий приобретает весьма последовательный и непротиворечивый характер.

В качестве основополагающего принципа позиционной организации глагольной группы для датского языка нами был установлен принцип замыкания [Никуличева, 1986]. Под этим термином понимается включение в состав синтаксических комплексов, образуемых сочетанием глагола с наиболее тесно связанными с ним элементами, тех элементов, чья связь с глаголом является более слабой. Таковыми являются: косвенное беспредложное дополнение по отношению к прямому, прямое дополнение по отношению к объектному предикативу, дополнения и беспредложные обстоятельства по отношению к поствербам, дополнения по отношению к предложным элементам фразеологических единств. Замыкающие синтаксические комплексы в датском языке, таким образом, образуют прямые дополнения, предикативные члены, частицы, называемые поствербами, обычно модифицирующие лексико-грамматическое содержание глагола, и, наконец, предложные элементы фразеологических единств. Все эти члены вступают в сильную дистрибутивную связь с глаголом и занимают центральную область глагольной группы по отношению к обстоятельственным распространителям, для которых характерно расположение на периферии группы.

Сопоставление со шведским и норвежским материалом показывает, что при всей синтаксической близости континентальных скандинавских языков в шведском и норвежском обнаруживается иная

организация центра группы, причем норвежский в большинстве случаев демонстрирует промежуточное, переходное состояние по отношению к принципиально различным способам организации синтаксической группы глагола в датском и шведском. Так, в глагольно-поствербиальную рамку в датском языке включаются любые беспредложные дополнения; в норвежском, как правило, сверхлегкие, выраженные местоимениями без предлога; в шведском же имеет место контактное расположение глагола и постверба, т.е. рамка вообще отсутствует, а глагольная группа организуется не по принципу замыкания, но по принципу присоединения более слабых связей к более сильным. Проиллюстрируем это примерами из книги Л. Хюльтена:

швед. Han tog upp) en näsduk (Böök);
дат. Han tog et lommetørklæde op
'Он вынул носовой платок' [Hulthén, 1948, 160];
норв. (с субстантивным дополнением):

Styrmanden stammer) frem) nogen ord (Grieg);
швед. Styrmannen stammar) fram) några ord
'Штурман пробормотал какие-то слова' [там же, 161];
норв. (с местоименным дополнением):

Han spurte hende ut (Egge);
швед. Han frågade) ut) henne
'Он расспросил ее' [там же, 163].

Основополагающее различие принципов замыкания и присоединения в организации синтаксических групп в сопоставляемых языках находит самые различные проявления и в конечном счете позволяет систематизировать и объяснить большинство синтаксических различий, отмечаемых на этом уровне. Так, приводившиеся выше примеры на выпадение возвратного местоимения *sig* объясняются тем, что датский язык стремится сохранить или ввести рамкообразующий элемент, тогда как в шведском для осуществления связи присоединения этот элемент являлся бы избыточным:

швед. Sebastian själv beställde) _____, en biffstek;
дат. Sebastian selv bestilte sig en bøf;
дат. Han tager hatten af) _____
швед. Han tar) av sig) hatte .

Аналогичным образом объясняются случаи "встройки" прямого дополнения при прилагательном в функции предикатива в позицию перед этим предикативным членом в датском наряду с более периферийным расположением такого дополнения в шведском языке: дат. Hun ville vie sin dygtighed til et menneske, som var den værd (Lauesen) 'Она хотела посвятить свой талант человеку, который был его достоин', ср. швед. ...som var) värd) den) '...который был достоин его' [Hulthén, 1948, 128].

В результате тех же основополагающих различий двум шведским конструкциям: Vi lat) jungfrun) vackas) kl. 7) 'Мы велели девушке проснуться в 7 часов' и Vi lat) vacka) jungfrun) kl. 7) 'Мы велели разбудить девуш-

ку в 7 часов' — часто соответствует одна — и поэтому двусмысленная — датская конструкция: *Vi lod pigen v kke kl. 7* [Hulth n, 1944, 200].

Предлагаемая нами методика позволяет объяснить, почему датский и норвежский "предпочитают" инкорпорируемое беспредложное дополнение, а шведский "выбирает" присоединяемое предложное дополнение с аналогичным значением. Эта методика помогает точнее определить зачастую разный для разных языков системный статус формально тождественных элементов. Она дает возможность поставить ряд других проблем и дать непротиворечивые ответы на многие вопросы, еще ожидающие своего разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракин В.Д.* Сопоставительная типология скандинавских языков. М.: Высш. шк., 1984.
- Кузнецов С.Н.* Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М.: Наука, 1984.
- Никуличева Д.Б.* Структура и функциональные особенности глагольной группы в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Ярцева В.Н.* Контрастная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Ярцева В.Н.* Сопоставительная лингвистика и проблемы вариативности языка // Филологические науки. 1986. N 5.
- Diderichsen P.* Element r dansk grammatik. H benhavn: Gyldendal, 1946.
- Hulth n L.* Studier i j mf rande nordisk syntax. Bd. 1, 2. G teborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1944, 1948.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>У.К. Юсупов.</i> Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина	6
<i>А.В. Бондарко.</i> Понятия "семантическая категория", "функционально-семантическое поле" и "категориальная ситуация" в аспекте сопоставительных исследований ...	12
<i>В.Б. Касевич.</i> Фонология в типологическом и сопоставительном изучении языков ..	19
<i>А.Е. Супрун.</i> Принципы сопоставительного изучения лексики	26
<i>С.Г. Бережан.</i> Сопоставительное изучение микросистем лексики и обоснование системного характера переводных словарей	32
<i>А.М. Кузнецов.</i> Основания для сравнения в контрастивной семасиологии	37
<i>А.А. Брагина.</i> К сопоставительному изучению языковой образности	43
<i>В.Г. Гак.</i> О сопоставительной стилистике	48
<i>Н.Г. Михайловская.</i> Вопросы типологии интерферентных явлений в русской речи билингва	53
<i>А.Д. Швейцер.</i> Языковые и внеязыковые аспекты перевода	59
<i>Г.В. Чернов.</i> Функциональная система синхронного перевода как вида коммуникативно-речевой деятельности	66
<i>Б.Л. Бойко.</i> Формы существования языка и текста	71
<i>Е.И. Кириленко.</i> Сопоставление видовых форм русского и английского языков	76
<i>С.Н. Кузнецов.</i> Позиционный анализ и синтаксическая типология	82
<i>Д.Б. Никуличева.</i> Моделирование синтаксических групп как метод сопоставительного описания синтаксиса близкородственных языков	89

Научное издание

**МЕТОДЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ**

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР
Научным советом
"Теория советского языкознания"

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художественный редактор *И.Д. Богачев*
Технические редакторы *В.В. Лебедева, О.В. Аредова*
Корректор *Е.А. Мишина*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 38302

Подписано к печати 17.08.88
Формат 60*90^{1/16}. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 6,0. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд.л. 7,0
Тираж 2300 экз. Тип. зак. 556
Цена 1р. 10к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12